

ПРИЖАБЛЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Леонид Шевченко (Волгоград)	2
Галина Семенченко (Симферополь)	12
Андрей Стрелков (Нижний Новгород)	18
Игорь Эйдман (Нижний Новгород)	30
Сергей Самойленко (Кемерово)	36
Леонид Тишков (Москва)	40

ПРОЗА

Аркадий Перенов (Н.Новгород). Дебора	3
Андрей Кутерницкий (Санкт-Петербург). Яблоко	14
Михаил Погарский (Красногорск). Роман которого не было	22
Андрей Кавадеев (Москва). Чехов глазами Обломова	38
Олег Дарк (Москва). На сон грядущий	44

ЭССЕ

Андрей Стрелков. Попытка молчания	32
---	----

ИНТЕРВЬЮ

Андрей Битов	6
Резо Габриадзе	18
Леонид Бежин	26

Альманах иллюстрирован работами Леонида Тишкова, Резо Габриадзе, Игоря Козина, Николая Гнетнева, Дмитрия Иудина, Андрея Стрелкова, Вячеслава Мазурова, Евгения Стрелкова, Аркадия Перенова, Павла Вещева.

Дизайн Инны Готской, Евгения Стрелкова.

СПОНСОР ИЗДАНИЯ: ПРОМЫШЛЕННО-ТОРГОВАЯ АССОЦИАЦИЯ "НИКА"

© Редакционно-издательский центр "НОВАЯ ПРЕССА", 1992

© Редакционная группа "ДИРИЖАБЛЬ", 1991

Компьютерная верстка ПТА "НИКА".

Формат 75x90/16. Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл.-печ.л. 3,9. Уч.-издл. 4,71. Тираж 7000 экз.

Адрес редакции: 603116 Нижний Новгород ул.Гордеевская,5. ПТА "НИКА".

Редакционная группа "ДИРИЖАБЛЬ". Телефон для справок (8312) 62-84-03.

...δια λαμπροτατου βαινουτεζ α βρωσαιθερορ
...неспешно двигаясь в струях прозрачного воздуха

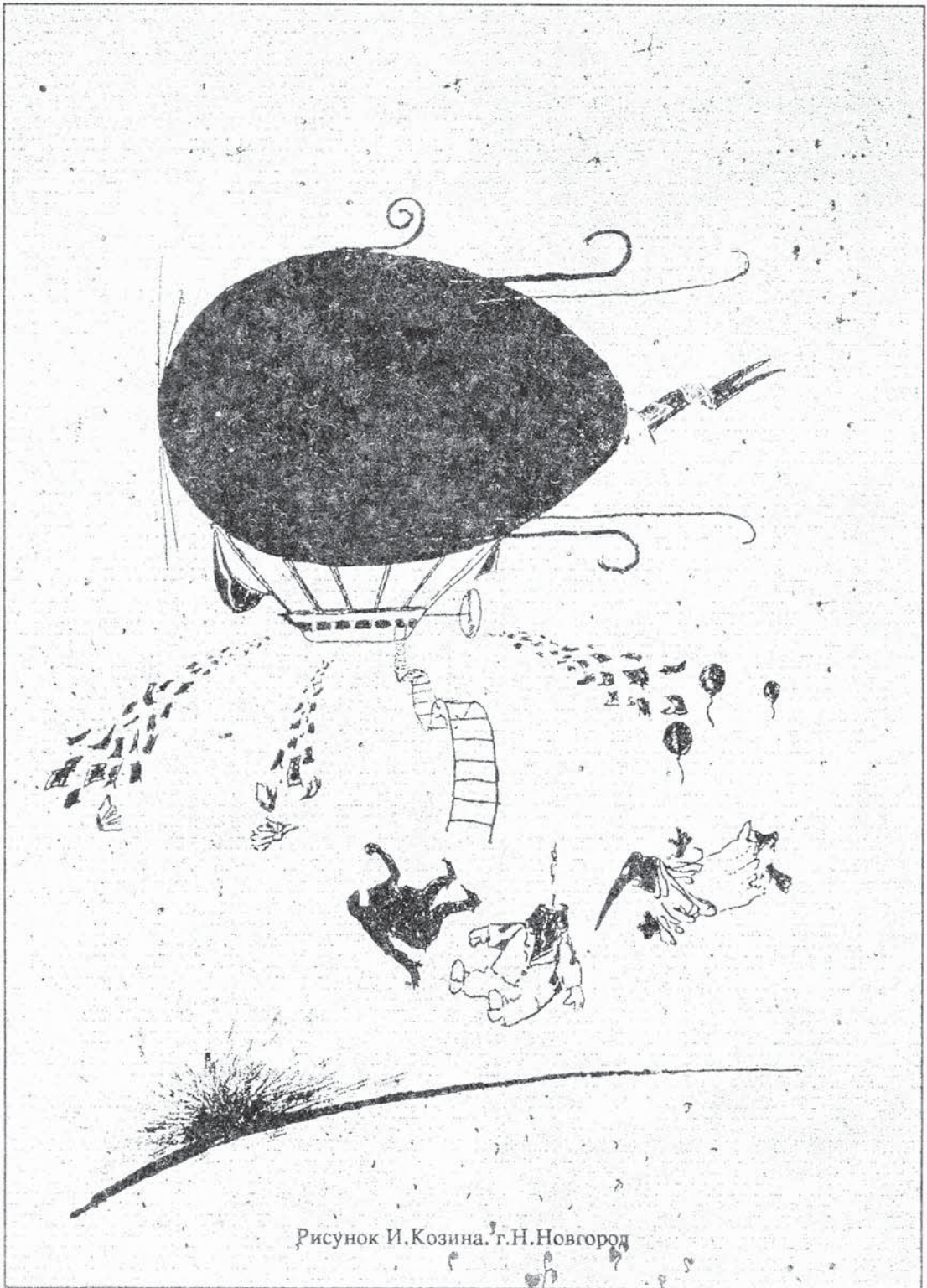

ЛЕОНИД ШЕВЧЕНКО

...и рифмовать не думая о большем

Так снимем дачу, где-нибудь на юге...
и греки станут по утрам являться,
и меж страниц засушенные крылья
от ветра неслучайно оживут.
Я буду жить,
дописывать романы,
и рифмовать не думая о большем.
И всякий день устраивая ночи,
по дому кресло за тобой носить.
Я принесу
античные монеты,
две раковины с рожками и даже
куплю себе в галантерее галстук
по случаю шестого ноября...
Москва стоит и будет долго, долго
стоять на этой цифре - восемь в кубе.
Ты говорила, кажется, Коктебель,
я говорил, как будто, Коктебель.
Я полюблю другую - это просто,
и ты молчишь, и это тоже просто,
плывет в ладошки каменистый остров
и ветками ощупывает мель.

Во всей округе проливная ночь,
И заморозки ранние на почве,
И, чтобы воду в ступе не толочь
Заезжий летописец ставит прочерк.
А звезды телескопы оплеля
Старинные пути перемешали.
Единственная радость бытия -
Разглядывать картинки полушарий.
И схема засыпания проста:
Мерещатся распад, сложенье, льдина.
По радио сегодня пустота,
Как сводка о здоровье господина.
И вязанные шапочки детей,
Как имена умерших от мороза.
И площадь городская без людей
И ратуши молитвенная поза.

АРКАДИЙ ПЕРЕНОВ: ДЕБОРА

Светлане Баркан

Я замираю. Я знаю, что Дебора на солнце. Мне 317 лет, Деборе чуть меньше. Я знал ее в беседке моряков и танцовщиц над Гвалдаракиром. Она вынула и бросила белый цветок из прически в воду. Позже он затонул. С криком обезьяны от причала отошел теплоход. Христос Сальвадора видел с небес рыбачьи лодки, я ничего не видел. Деборы не было, и след ее надо было искать вокруг света...

- Здравствуй, Дебора!

- Прощай, Дебора!

Отец приехал ко мне в детский сад на трамвае. Его тяжелые американские ботинки с железными подковами клацнули об асфальт и высекли искру. Она сверкнула в кольце яблочной торговки, зашипела и погасла.

В руках у отца был кулек желтой карамели. Он велел мне раздать конфеты всей группе. Я с поджатыми губами подошел к Деборе. Она строила песчаный замок, и ладошки ее были испачканы. Я высыпал в эти ладошки карамель и замер. Недавно у нас был карантин. Наши кровати стояли рядом. Ночью я смотрел на Дебору. От проезжающих машин, проходящих людей на потолке плясали и двигались тени чудовищ.

Была ранняя, с ленцой, осень. Отец взял нас на футбол. Крики играющих повисали в теплом, тягучем воздухе. Дебора смотрела на отца, бьющего пенальти, сжимала кулачки, вскакивала со скамьи, следя за полетом мяча.

- Дебора! - отец помахал ей с поля рукой. Почему ей одной, почему не мне? В автобусе на обратном пути мы пили лимонад. Высыпали звезды, в окна тянуло свежестью, последними стрекотаниями кузнечиков. Взрослые не поднимали головы к

небу, и лишь мы с Деборой смотрели на звезды.

Деборе стукнуло 99, мне стукнул 101 год. Я послал ей письмо из лагеря. У меня украли кеды. Я ей об этом написал, и о том, как нашел в бассейне вставную челюсть начальника лагеря.

Зимой мы вместе с родителями катались на лыжах. Я храбро вскарабкался на самодельный трамплин. Сделал в воздухе сальто и с головой ушел в сугроб. Я был вертолетом, севшим в глубокое ущелье. Когда меня выдернули, все качали головами и улыбались, лишь Дебора сжала губы. Тогда я испепелил сугроб взглядом. Деборина мама, полная жизнерадостная женщина с едва заметными усиками, вскрикнула: "Ой, смотрите, тает! Весна!" "Сама ты весна", - сказал я себе под нос. Все разделись по пояс, кроме нас с Деборой. Мы пошли левее от взрослых, и Дебора посмотрев на меня, стянула свитер и рубашку. Я тоже разделся, у меня были большие солнечные очки, и под ними я скрыл свою стеснительную ухмылку. А потом мы грызли сахар и крутили ручку приемника. Я поймал "Голос Ватикана". Проповедник устало призывал: "покайтесь, братья и сестры!" А мы с

Деборой были "сводилками" - и в тот день жирафами.

Потом у нас был выпускной. Я целовался со своей одноклассницей. Мне было слабо сбежать к Деборе. Мы пошли в поход с ночевой, и я предал Дебору. Устроился на завод и таскал какие-то масляные детали по цеху. Я работал, пока мне не принесли повестку. Мне подарили электробритву, мы выпили всей бригадой, и меня принесли домой. Диван кружился, было обалденное состояние невесомости. Я поплыл к окну и открыл шпингалет. Скорей к Деборе, она ждет! Мне надо сказать ей хорошие слова или просто смотреть на нее, как тогда в детском саду. Я постучал в окно Деборы очень тихо. Дебора увидела меня.

- Привет, Дебора!

Дебора молчала.

- Дебора, завтра я уйду в армию.

Через минуту она вышла из дому. Мы ушли на пляж и остаток ночи просидели подле сгоревшего автобуса. Дебора уснула на моих коленях, а я все гладил и гладил ее волосы, пока рука совсем не занемела.

В армии зимой я охранял артиллерийский склад. Где-то рядом кричал, как ребенок, попавший в капкан заяц. Я шел на его жалобный крик, но он замолчал, и сердце мое сжимала тоска. Я растрелял весь автоматный рожок и десять суток сидел "на губе". Старшина "губы" подстриг меня под Владимира Ильича, но кроме него, смеяться было некому. В туалете я написал письмо Деборе и перекинул конверт знакомому парню, охранявшему меня. Все письмо умещалось в одно предложение. "Я люблю тебя, Дебора, жизни мне нет без тебя".

Меня выпустили с "губы" на самые праздники. Все были в клубе, смотрели кино. Я побрился, а потом, когда чистил зубы, выдал пастой на зеркале - "Дебора". Потом немного подумали добавил - "Моя".

АНДРЕЙ БИТОВ. ШЕЛ И ПОДУМАЛ

ИНТЕРВЬЮ БЕЗ ВОПРОСОВ

Читал я одну книжку одного американского автора - она у нас не переведена - о комплексе Казановы. Почему такая невероятная потребность в смене объекта? Все я не прочитал, но основная идея, что это болезнь, ну, как наркомания.

Получается, что эротика носит наркотический характер, и вдохновение носит наркотический характер, и, собственно говоря, любое воодушевление, да? ...Но все это очень трудно зарабатывается. Нам надо пройти путь, мы получаем свое ширево, но оно откуда-то Сверху спускается. А когда не Сверху, то обязательно идет расплата, и получается, что дальше все труднее. Почему поэты и лезут в веревку. Расходуется этот способ употребления таланта, а вовсе не душа или жизнь, когда привык к этому виду потрясения, а его с возрастом становится все меньше. Идет ломка. И поэт становится жертвой определенного вида наркомании, так же как и любовник, и алкоголик... Значит, он эксплуатировал больше свой дар, чем душу, что ли. Дар-то сам по себе может быть истощен.

Хотя, казалось бы, как для человека для него нет никакой утраты. И на этом настаивает вся пошлость человечества.

А мы все не свободны от пошлости: в человеке все должно быть прекрасно, человек это звучит гордо... У нас нет запрета, кроме писать плохо, а потом: нужно ли это народу, кто это поймет...

С письмом Белинского к Гоголю было нехорошо, да... А с Обломовым? Такого человека, как Гончаров, ломали, просто ломали либеральной критикой. Мы все заключены в такие системы пошлости, которые являются рабочими, социальными, установочными, политическими и принадлежат то более, то менее честным людям, причем более честный человек еще хуже, потому что он без цинизма будет исповедовать свою дубинку.

Никуда не деться: как оно делилось, искусство, на говно и не говно, так и будет делиться во все времена. Тогда в чем дело, почему что-то нравится до сих пор? "Опять Пушкин. Вот беспокойная личность." Дело в том, что обеспечено знанием, умом - вещами, которые всегда ценились. И если я что-то там увижу, то я увижу только свободу. Свободную игру и не агрессию. Три принципа гуманности: свободу человек выявляет, в игре проявляется и не впадает в агрессию. И уже понимаем - не понимаем, душа отдыхает, и глаз будет отдыхать... Человек должен сделать живую вещь. В меру своей возможности. С любовью. Здесь непрофессионализм столкнется с любительством. Любитель, он любит мир через эту вещь, не только предмет ему нравится, вся жизнь ему нравится. Русская литература, по-моему, вообще непрофессиональна. На Западе да, там есть профессионализм, есть наработки, Агата Кристи там...

У нас ширпотреба никогда не было. Это вне нашей ментальности. По-моему, у нас массовую культуру всегда будут производить отвратительно. Человек ну не любит эти сапоги делать, не любит работу. Однажды Юзик Алешковский сказал со скорбью: ты представь, если бы советской власти поручили Творение, какие бы это были коровы! ...Очень много в советской системе русского, и это не в похвалу ни советской власти, ни России.

Понимаете, вы можете быть одновременно и свободным и несвободным, так устроен человек. В принципе он кажется себе - особенно темный, непросвещенный человек - он кажется себе на вершине познания. Это абсолютная черта, она у нас разработана полностью. Вот сейчас уже пять лет что-то появляется, сомнения какое-то. А то от ларька до генсека - все люди учили жить. "А что вы думаете об этом?" А сказать: "Понимаете, вот толком еще ж не подумал. Честно говоря, даже не знаю, что вам сказать..."

Чем мы уравновесим такие две категории, которые в нас вдолбаны, у одного они больше разработаны, у другого меньше: что вот либо смирение и покорность, либо бунт. Между этими крайностями нет свободы. Она не осуществляется ни в покорности, ни в бунте. Может,

она в понимании... И для этого необходимо, чтобы общество не убивало. Тогда сразу все начинается, одному хочется больше, другому меньше; не только украсть, но и сделать. Сразу начинается дифференциация, от этого никуда не деться. Если у вас есть свобода в том смысле, что не убьют. Не убьют за то, что мы здесь болтаем, только кто-то, может, придет и покажет собственную глупость. А у нас нет свободы, у нас есть воля. А воля, это когда человека выпустили на свободу или он сбежал из заключения, выбежал в поле: воля, бя. И когда говорят свобода, свобода... "Это вы в каком смысле? В смысле *либерте* или в смысле *воли*?" Вот в смысле *либерте* мы еще не знаем. Мы знаем волю, мы знаем только самые первые движения.

Музыка тоже часть природы. Рождались люди, которые слышали. И слышали они в определенный момент. Я когда выписал даты великих композиторов, всего-то оказалось сто лет. То есть в восемьдесят пятом году там родилось четыре, в тысяча семьсот пятидесятом умерло два... То есть даже числа играют там. И диапазон от Вивальди до Моцарта - это как будто там все и написали... Потом началось развитие музыки, и оно все связано с истощением. Сейчас композитору говорят, что надо знать почти все. И каким бы он не был авангардистом, в какой бы новой системе не делал, в додекафонии и прочее, но когда он уцепится вдруг за мелодию, как бы пропущенную, поймает в пруду последнего караса, да - сколько он из нее вынет!

Я думаю, что огромное преимущество, которое ненароком организовано для моего поколения (другое дело, что неравнозначные оно породило ценности) - то, что как будто нас заключили снова в ноль. До опыта, до потолка. Как будто ничего не было. Если специально буддийским путем этого достигать, то ты должен стать божеством. А тут путем унижений, оскорблений и всего такого, о чем ты понятия не имел, ибо не имел с чем сравнивать, тебя поместили в начало человечества.

...Иногда я думаю, кому это, собственно, теперь нужно? То есть, я думал, человек, лишенный культуры, он по мне может научиться читать, потом меня не читать...

Я как бы отметил сам путь. И отметил, между прочим, так добросовестно, как любой советский человек. То есть по мере осознания, по мере опыта, по мере поступления...

Ну а все-таки жалко быть только средством... И на что мы идем, на какое удобрение, не нам судить. Но хотя бы то, что мы этому предавались... Конечно, очень трудно запомнить ночи медового месяца...

Как говорит Алешковский где-то... или, по моему, Николай Николаевич, я все думаю, говорит, почему вот палку никак не запомнить? То есть вы запомните, если не очень получилось. Или вы предавались, так сказать, с пороком... или не с полной отдачей... И он там утверждает, что поэтому и повторяют все время, чтобы вспомнить, как это было хорошо!

Я вообще полностью приравниваю чтение к исполнению музыкальных произведений. Писатель нигде не учится, он только читает, правда? Но настоящее наслаждение от чтения, почему и нужна хорошая литература, это когда вы повторяете творческий процесс. Эта шутка Борхеса, когда человек переписывал Дон-Кихота, она очень глубока. Я, пожалуй, ощутил себя писателем до того, как стал писателем, а именно в десятом классе школы. Когда я готовился к экзаменам, мы жили коммунально, родственники выделили мне целую комнату, там была библиотека, - я испытал полный восторг, который я не мог ни с чем сравнить. Это были "Записки Пиквикского клуба". Теперь я понимаю - я как бы сам их написал.

Хотя обычно художник учится тому, чего он не будет делать. От противного тут много, а от очень противного еще больше. Насколько Пушкин отталкивался от плохой литературы - занимаются этим исследователи, но недостаточно, все равно сильна традиция великого контекста...

Еще одно правило, оно, может, ходульное, может, пошлое, но вот оно работает: нельзя украсть не свое... Когда испепеляешься завистью, завидуешь только тому, что это было у тебя в руках. Если ты изобретаешь что-то, тебе кажется, то все лягут, потом оказывается, что ты изобрел велосипед, и их тебе прикатят, ну,

начиная от Хеопса, подкатят целый воз этих велосипедов. Но литература - не техника и в литературе останется больше следа, правильного душевного следа, который подтверждает и вечность жизни, и вечность души... и вечность пути. Получается, что можно повториться. А самостоятельность не в том, чтобы не повториться.

Вопрос в том только, чтобы не брать приемы, которые тебе не по плечу, не пользоваться тем, чем ты еще не умеешь пользоваться. Вот эта гармония развития художника поразительна. И интересно иногда рассматривать, как гибнут или растут художники из-за необыкновенно точного ощущения своих возможностей. Иногда можно принять юношеские кофурны за самонадеянность, а между тем это - замах. Как в случае, скажем, с Бродским. А может быть, наоборот, какое-то тихое подрастание к своим возможностям. И еще одно чудо в чтении, которое меня изумляет и которое позволяет существовать писателю, а не сразу стреляться: если вы читаете какую-то настоящую вещь, то начинаете жить по ее законам, и в этот момент вся мировая литература, опыт Гомера, пример Толстого вам ни к чему, вы погружаетесь в самостоятельность этой вещи, в ней живете и находите удовлетворение, и почтение, и благодарность.

Никогда не надо ничем слишком дорожить. И я думаю, много ценного возникло из-за того, что много вокруг пропало, правда?

...Но это вот я не люблю, он очень отчаянно так сказал, постепенно я это разлюбил, вначале понравилось, надежду вселяло - "рукописи не горят". Надо сказать, горят, и еще как горят!

И у Солженицына вот, проявление благородства такое, когда он сказал: скорее всего, самые талантливые из нас погибли...

Я иногда думаю, что вот человек, который не вымер, либо на него махнуто откуда-то сверху рукой, он вне понятий добра и зла, вне обсуждения, в каком котле его варить, либо все-таки этот человек не сделал того, за чем послан. То есть само выживание может быть очень экономичным по отношению к воплощению. А как только осуществляется назначение, будешь жить по законам той рыбы, которая

отметала, или того мотылька, который сгорел, то есть осуществил - и аут. Если продолжается, то путь не пройден. Либо загублен, либо не пройден.

Вера - это, может быть, большой талант, чем живопись и музыка. Вера - это дар, я в этом совершенно убежден. Никакие институты религии меня не убедят, что вера... она не может быть хроническим состоянием. Это не значит, что отсутствие веры заменяется немедленно безверием, конечно, никакой нормальный человек практически не занимается атеизмом, но в состоянии веры он попадает изредка.

Сам вход в храм - благостное дело, это хорошо, я даже приветствую моду на это все, но очень люблю из Толстого, когда Сергей достиг святости, но молится Богу: за что не даешь мне веры?

А озарение тоже можно перепутать с кайфом - это такая строгая вещь - вера, строгая, но вовсе не сухая, не постная, она абсолютно живая...

Это такое счастье, знать - на тебя что-то послано, спасение какое-то...

Ну, тут, знаете, очень легко, хотя, я думаю, что мир нуждается в постоянной ереси, просто нуждается и даже вот эту греховную мысль осмеливаюсь произносить вслух, тем не менее это очень опасно. То, что мы можем принять за мысль, может оказаться вовсе не мыслью. Меня всегда удивляло противоречие между наличием пути и представлением о правильно прожитой жизни. А с другой стороны, никак не может представление о пути быть оправданием плохой жизни. Но одновременно, наличие правильно прожитой жизни вовсе не означает пройденного пути.

А если мы начинаем думать: для одних одно, а для других другое - мы уже впадаем в другую иерархию, в неравенство: народ пусть ходит в церковь, мы ищем Бога. Начинается вакханалия, бред. Сказано: блаженны нищие духом. Сказано и все ясно. Ваше здоровье.

И сомневающийся человек конечно сомневается не в Боге, он сомневается в способе, которым он полюбил Бога, именно потому, что это стало способом. И он низвергает этот способ! И в этом ритме живет любая душа.

И я уверен, что ей претит... Есть в физике, что как бы что-то в двух измерениях, да? Колебания идут в двух измерениях, излучение дает свет... Что там фотон... не знаю... электрон.

И вот этого, наверно, не надо. Конечно /этим/ допущением можно поиграть... Именно потому, что в нас воспитана некая верховность, то мы стали и думать за всех, на самом деле даже за Горбачева думать не надо... Нет, не потому, что он такой, а просто ты не находишься в его положении.

Свобода. Даже когда мы осуществляем предпочтение, осуществляем выбор, мы что-то для себя делаем. Не только в прямых вещах. У нас такая же редкость злодейство, как и доброта. Трудно представить (хоть в жизни все есть) человека, который стал совсем сознательно мучить ребенка, выжимать из него слезинки, но на пути к этой слезе он столько выборов сделал!

Есть такой идеал, примитивный такой - полного очищения человека, перевоспитания... Но где его путь, где его опыт? Или это будет его дар... С самого начала это никому не дано знать...

Математика - это стиль в огромной степени. Математика оказалась единственной непрограммируемой наукой. Идеология есть во всем естествознании. Вот вы решили, что мир - механизмы, и он развивается сто, двести лет под этим углом. Математику никто не может запрограммировать, и когда кто им нарисует чего? И вдруг фундаментальной математики не стало... Вот, кстати, один из аспектов, который не учтен. У нас привыкли критиковать, как не платят хорошим специалистам деньги, но это, между прочим, единственный способ отбора хороших специалистов. Кто же будет забиваться в эту щель? Идея, что все таланты могут хлынуть в хорошо оплачиваемое направление, может оказаться глубоко неверна. Особенно в России, где совершенно нет такой традиции. Где возникнут поэты? Теоретические физики? Сахаров откуда, в конце концов? Сахаров, это ведь феномен абсолютной невовлеченности ни во что, кроме предмета. Поэтому он сумел иметь вот этот второй взрыв. До этого он ничего не думал, потом вышел и сказал: что за еб твою мать?

Все остальные немножко знали, у всех проходила какая-то сделка на выживание. Я не считаю, что в Сахарове есть другой урок, кроме поведения. Невероятный, уникальный на весь мир. А мир тоже корыстная, страшная штука. Мир гораздо тоньше, чем он сам себя объясняет. На уровне какой-то интуиции иногда срывает целая нация, целое время или целый мир. Ну, почему такая слава? Не только мировая политика, не только включенные миллиарды ЦРУ. Феномен поведения, которого давно не видел мир. Почему миру не носиться со Швейцером? Хотя Швейцер и Баха играл, и негров лечил. Больше у него будет доказательств, чем у Сахарова. Но Сахаров сработал, как феномен поведения. Он сработал нормально. Оказалось, что кроме данных должна быть феноменальность судьбы. Его пробовали упрекать в судьбе. Ты сначала, мол, сделал атомную бомбу, а потом восстал. Да нет, у него вовсе не раскаяние в бомбе. То есть, может, он потом в ней и раскаялся, но это была его судьба. У Бродского есть судьба первым сесть по закону о тунеядстве, потом уехать, а потом, оказывается, получить Нобелевскую премию. Те, кто ее осуществил, те и великие люди.

Надо сказать, судьба мешает написать серьезную вещь. Это не так просто. Это вообще не просто. Не хочется преувеличивать этого скромного труда, но события как-то нелегко ложатся..

Да, это очень интересная тема... Я этот вопрос не могу решить, но мне как-то радостно, что вы сформулировали просто в тех же самых словах, как я это сделал... раньше по времени, но позже по возрасту. Действительно, для меня до сих пор загадка /например/, что в начале: исчез живой русский язык или возник словарь Даля /а он не даром упомянул "живаго" - тогда язык был употребим/. Иногда я думаю, что такое семнадцатый год? Почему русская литература так стремительно много успела. В общем-то за все про все сотня лет, мир русский был описан, и нам остался девятнадцатый век /и то, что описано, то/ кончилось.

Да и более того, ведь тот мир не уцеливает. Получается, единственная ценность на земле - кроме моральных ценностей, вечных

- творение как произведение. А художники - самые дешевые люди, которые производят самые дорогие вещи.

Этика - не система запретов и ограничений, а система каких-то поступков внутри текста или внутри полотна. Они такие же, а иногда и более влиятельные, чем поступки в собственной жизни, где вы можете опозориться, опростоволоситься. Забудется, сотрется, искупишь. А искусство не очень искупишь, оно как-то получается /при этом/ очень плохим, тут вопрос поступка - это очень серьезно. Даже поступок в сюжете, если это не стало профессиональным, как там... в детективе, где все друг друга режут и это является условностью...

Всегда что-то есть от чего-то... Это важно для единства, на этом много построено, цивилизация на индивидуальности... Но, может быть, преувеличение роли личности, имени художника, оно привело к уменьшению задачи искусства.

По видимому, эстетика заключается в том, что художника больше увлекает предмет, чем своя функция и свое значение в этом предмете. Тогда он художник. В этот момент он смирен, если он художник. Тогда получается та концентрация, которую в принципе в жизни человек не достигает, ибо он занят ежедневно трудом.

Этика и эстетика, вы говорите? Но они настолько взаимосвязаны. Я бы сказал, одно ищет другое, одно без другого нельзя вообще и рассматривать, недаром в русском языке они так созвучны, что нормальный человек их даже перепутает...

Я вчера как-то странно об этом думал, потому что все мои вещи на самом деле продолжают друг друга. Я решил написать новую вещь, на ней обрести силу. А новая вещь - это та, которая вам только-что пришла. А такое с возрастом все реже. Зато все больше вещи, которые в тебе тлеют... тянутся, как-то вызревают. Иногда эта вещь тянется десять, пятнадцать, двадцать лет, потом занимает на полпальца в книге...

Но так вот, я решил написать одну вещь как-то художественно... стал думать о том, что любовь отца - это тот настоящий вариант безответной любви... А вещь /будет/ о

любви к отцу... Но вся эта любовь к отцу осуществляется после смерти... И там очень такая занятная история... она вся происходит на том свете... с побегами, с арестами - вся на том свете. В конце концов была такая мысль, что воспоминания об отце, они выстраиваются в ряд и они и есть рай для отца...

И когда я подумал, что любовь отца прижизненно безответна, а ответна потом, когда тот принимает функции отца... я подумал, а что же такое любовь Творца к Иисусу? И вот у меня что-то стало так сверкать... Многие считают, что как бы ясно, что Христос будет спасен, но вся суть в том, что всевластие Господа не распространялось, по крайней мере, на Страстную неделю... эта неделя прожита отдельно... если бы не так, без этого подвига, что-то было бы не то.

Я подумал, каково отношение Творца к творению. У Павла Петровича там есть - человек создан для того, что бы понять...

Ну вот, каково же отношение творца к своему предмету? Разве может ответить на любовь произведение? Ответной любви от Тайной Вечери не исходит к Да Винчи. И было бы очень наивно, чтобы кто-то потребовал любви от того, кому он ее отдал. Чем только и занимаются люди... И, думая о неразделенной любви, я понял судьбу отца. (А где-то проговаривался, что вера его в нас выше нашей веры.) Любовь неоспорима. Когда вы начинаете сердиться, вы можете высечь море, но нельзя сердиться на то, что у вас сын о трех ушах... а не двух, как вы хотели. Это не получается. И тогда я понял, что жертва огромна. /Веды/ действительно сын, действительно непорочное зачатие... Каждый грамотный человек знает, что зачатие непорочно, то есть хотя бы от тайны того, как это случилось, вы с ума сойдете, а если вы испытаете на практике жизни, когда сколько времени нельзя ребенка, сколько времени неохота ребенка, и такие люди не должны были пожениться, а потом, когда он появляется, то уже ясно, что брак выбран со стороны ребенка, у него не было другого способа возникнуть!

Там все слова правильны, Царство Божие на земле, все ясно... но *он уже не сердился, но уже не надеялся*. Тогда можно было послать

сына. Но сына можно было послать только как человека. И это такая получается еще раз изумительная история...

И я /вновь/ подумал - объект и изображение.

И я подумал - кто самый умный человек? Ну, Платон. Но у Платона самый умный человек - Сократ. А Сократ - то ничего не написал. Платон был великий писатель, а Сократ был великий мыслитель. /То есть/ нужно было слово незапечатанное - и человек, который принял это слово и за писал. Я подумал - объект и субъект... Сократа бы не было, если бы не Платон. Платона бы не было, если бы не Сократ...

Это какое-то гениальное решение.

Я же привык, что я говорю что-то следующее для себя. Кстати, это единственный способ быть понятным. Пытаться быть понятным или понятным - это разные совершенно посылы. Любая попытка адаптации - то есть учесть аудиторию, знать запросы и преподать им какой-то результат... Может, у кого-то это получается, но у меня ничего не получается. Но когда я говорю, что я шел и подумал, и если это действительно будет правда, то как-то более-менее понимают. Потому что все более-менее шли и подумали. Когда в монгольской юрте чабан, с которым мы не говорили ни на одном общем языке в смысле опыта, а я ему говорю, знаете, я вчера подумал, что вот странно, мне привиделись родители, так вот когда я к ним приду, они могут оказаться младше меня и по истории, и по возрасту, и по опыту, следовательно, там... я окажусь старше, придя позже в тот свет... Ну, в общем, что-то в этом духе, может, более поэтично, может, менее выразительно. И вдруг я вижу, он стал кивать, ожил, наконец и заговорил со мной на человеческом языке... Так что говорить надо ровно столько, сколько можешь. Желательно еще говорить, когда хочешь. Если начнешь взвешивать, представляет ли это интерес, ты попадешь опять в ту же самую ложную систему, когда ты должен сказать правду.

Свобода есть свобода. Хочешь - сказал, хочешь - не сказал, сам за это поплатился, если дураком оказался, то ты им и есть.

ГАЛИНА СЕМЕНЧЕНКО ...И странное созвучие созвездий

Нелепо все...
 От вазы к вазе
 сквозь зеркала и полки книг
 по старым стенам (гвоздь, и в раме
 "Султанша Синяя" висит)
 скользит мой взгляд в окно и в арке
 на нитке птицей, на карниз
 навстречу синий, словно в лампе
 едва живой, огонь с ресниц,
 ложится вечер и лампадку
 вздыхая гасит, и молчит...

***

Чтоб сохранить зеркальность хрупкой глади
 ты разбиваешь ртуть своих причин,
 неукротимой гривой дикой пряди
 бежишь лишь от себя, не трати сил
 ты напоишь вокруг все, и затопишь
 любой преграды вызов и барьер,
 но ночью, как ребенок, горько плачешь
 один среди холодных скал, как стен...

***

Все сегодня заболели,
 дождь промок и слег,
 выдох неба - водолей,
 ротозей окна - вдох.

И простужены синицы,
 как на спицах, ледены,
 замороженные птицы,
 поцелуй, снегири.

И какое-то блаженство,
 от стерильной пустоты,
 от малиновой настойки,
 от ленивой тошноты.

***

Купола
 дрожащих радуг
 город
 из добра и зла

запах ветра
 визг метели
 карусели
 кружева
 пестрый цирк
 разливы красок
 птичьи перья
 тайны сна

эту глушь
 ты услышишь
 приходи
 я здесь одна

Я просыпаюсь
 подхожу
 к окну
 и странное
 созвучие
 созвездий
 в арке
 мне что-то говорит

павана звуков
 в танце ночи
 и дрожь
 деревьев на ветру
 передает
 течет
 к стеклу
 пугает одиночеством
 пустынный двор
 как вор

в снегу

из-за меня
 проснется
 бессонница моя
 любя
 возьми и продолжай
 из сновидений
 дня
 меня
 в мечтания
 другого
 дня

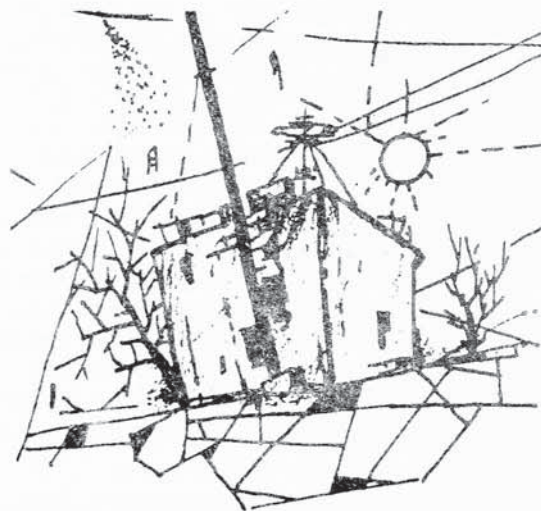

РИСУНОК В.МАЗУРОВА, г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

РИСУНОК А. СТРЕЛКОВА, г. Н. НОВГОРОД

АНДРЕЙ КУТЕРНИЦКИЙ. ЯБЛОКО

РАССКАЗ

Почему тот день запечатлелся в моей памяти так ярко, что и сейчас, когда я пишу эти строки, он возникает передо мной столь живо, объемно и красочно, будто не минуло с тех пор несколько десятков лет, а происходит все сейчас, и сейчас из полутемного коридора, я и Таня, белобрысая, на голову выше меня, длинноногая Таня, взявшись за руки, чуть дыша, все же отворим дверь заветной комнаты, где вот уже третий месяц живет удивительный человек по имени Абель Гогоридзе, - великий вор, вершитель странного и еще не понятного нам таинства, которое называется "денежные махинации", вернувшийся, наконец, из далекой тюрьмы? Это о нем жена его, Софья, сказала однажды: "Он лучше пять лет отсидит, но год будет жить как человек!" И вот, мы отворим эту дверь и из пропахшего паркетной мастикой и подгорелой картошкой коридора восьмикомнатной квартиры, ныне коммунальной, а до революции принадлежавшей семье юриста, проникнем в вожделенный рай, где окна завешаны дорогими портьерами, и от двух бра с туманно-мутными алыми колпаками льется усыпляющий теплый свет, где пахнет фруктами, духами, шоколадом, в вазах трепещут розы, а на полу во всю величину комнаты расстелен толстый ковер, в котором можно утонуть, где каждая вещь несбыковенна, и от каждой струится свой особый запах. И, вдохнув его в самую глубину легких, чтобы он подольше задержался внутри нас, мы остановимся на нежнейшей зыбкости ковра...

- Иди вперед! - шепчу я.

- Нет, ты вперед! - шепчет она.

- Нет, ты!

Толкая друг друга, мы вваливаемся вместе, я спотыкаюсь о ее ногу, но руки ее не выпускаю, и это спасает меня от падения.

- Здравствуйте, дядя Абель!

- Блондиночка с кавалером? - Его низкий, густой, медленный голос.

И вот мы взлетели, мы плывем в сладчайшем чаду мягкого дымчатого света, пропитанного запахами вина, свежих роз и яблок.

Авель сидит на тахте. Тахта низка для его гигантского тела, и потому он сидит, широко расставив огромные ноги и свесив между коленями тяжелые, поросшие черной шерстью руки гориллы, на толстом пальце одной из которых блестит перстень. Он сидит, понуро опустив крупную, совершенно лысую голову и исподлобья смотрит на нас страдающими глазами. Его зрачки отливают смоляной чернотой, шелковый халат переливается красными бликами. Эта переливчатость материала потрясает наше воображение. Глядя на нас, Авель чешет полусогнутыми в фалангах пальцами широкоую, курчавую от волос грудь, прижимает к левой ее стороне ладонь и напряженно щурится. У него болит сердце, но мы не способны понять, как может болеть то, чего нельзя ни ударить, ни поцарапать, мы знаем разбитые коленки, простуженные глотки, ссадины, царапины, шишки... Но боль в сердце? И вот мы у него. Мы хотим, чтобы он угостил нас конфетами, и мы знаем - он угостит, потому что он всегда угощает. Перед ним на ковре стоит высокая, узкогорлая бутылка коньяка. Она так щедро искрится черными, желтыми и рубиновыми искрами, что мне представляется: коньяк - это очень сладко! И до сих пор мне так кажется, хотя я и знаю, что он горек и жжет гортань. А рядом с бутылкой - плоская хрустальная ваза с яблоками и конфетами.

- Дядя Авель пьян, - тихо молвит Авель и добавляет: - Это ничего? Как по-вашему?

И мы послушно киваем головами в знак того, что это ничего, и мы это совсем не осуждаем.

- Угощайтесь! - предлагает он и указывает на вазу.

Таня берет конфету в огненно-синей целлофановой обертке, а я вдруг начинаю стесняться, стою столбом, хотя мне очень хочется взять яблоко.

- Ты стесняешься? - полувопросительно-полуутвердительно говорит Авель. - Я люблю людей, которые стесняются. Но таких мало.

Он болезненно щурит глаза, вынимает из ящика тумбочки длинную сторублевую купюру с портретом Ленина и зеленовато-серой панорамой московского кремля над Москвой-рекой, а в другую руку берет самое красивое яблоко и протягивает обе руки ко мне.

- Что ты выберешь?

Я молчу. Но если честно признаться, я смущен от того, что бумажка нравится мне больше, чем яблоко, и хотя она не пахнет тем живым душистым духом сада и влаги, каким пахнет яблоко, она чем-то завораживает меня. Но сейчас же я угадываю, что ему хочется, чтобы я непременно выбрал яблоко.

- Завораживает? - спрашивает он, и мне становится стыдно от того, что он угадал мое желание.

- Да, - едва слышно прошептываю я.

- Вот и меня остудила, - говорит он. - Когда царь Давид состарился, вошел в преклонные лета, то покрывали его одеждой, но не мог он согреться. Если придется выбирать, всегда выбирай...

И, солнечно улыбнувшись, он отдает мне яблоко.

А потом происходит то, чего я никогда не забуду: глаза Авеля вдруг мгновенно до краев наполняются слезами. Он судорожно смахивает капли огромной ладонью.

- Вот глупость! - бормочет он. - Зачем еще?.. Глупость.

Он трудно сглатывает тяжелый ком слюны и слез, сильная шея его напрягается, и кадык дергается кверху.

- Что, блондиночка? - ласково обращается он к Тане, которая жует конфету. - Ты будешь красивая. Очень красивая. Уже сейчас видно. Набирайте конфет и идите, а дядя Авель подремлет. Дядя Авель слишком много выпил.

Таня нагружает полный карман своего бумажного платья пахнущими шоколадом конфетами. А я ничего не беру. У меня яблоко. И хоть я и знаю, что она потом не поделится со мной, я все равно ничего не могу больше взять.

Мы уходим.

До сумерек мы играем во дворе, носимся друг за другом, деремся, миримся, катаемся на самодельном самокате, который дробно и протяжно, словно волокут по камням большой лист кровельного железа, гремит по асфальту стальными шарикоподшипниками, прилаженными к раме вместо колес, загоняем в подвальное окно белую кошку. А когда вечером, разгоряченные, счастливые возвращаемся домой, то, войдя в квартиру, слышим в конце коридора высокие прерывистые стоны.

Дверь в комнату Авеля Гогоридзе распахнута настежь, он лежит на тахте, огромные его руки сложены у него на груди, а вокруг тахты неподвижно стоят соседи по квартире, и жена Авеля Софья, прижимая ладони к своим нервно прыгающим губам, вдруг, содрогаясь, громко мучительно вскрикивает. Под потолком зажжена большая двухъярусная люстра, теплое зарево непотушенных бра поедается ее ярким холодным светом. И ничто больше не напоминает рай.

Я помню, - и, странно, никто не остановил меня, - я подошел к нему, и меня поразило вот что: он был здесь, но его здесь не было.

И я понял это так ясно и так мудро, без страха, принял это, как способен понять и принять лишь тот, кто еще ни разу не усомнился в своем бессмертии.

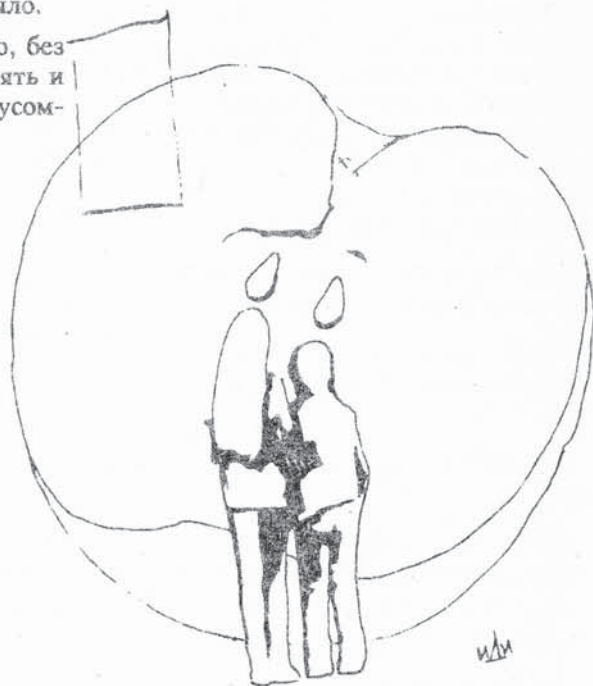

Рисунок Д.ИУДИНА. г.Н.Новгород

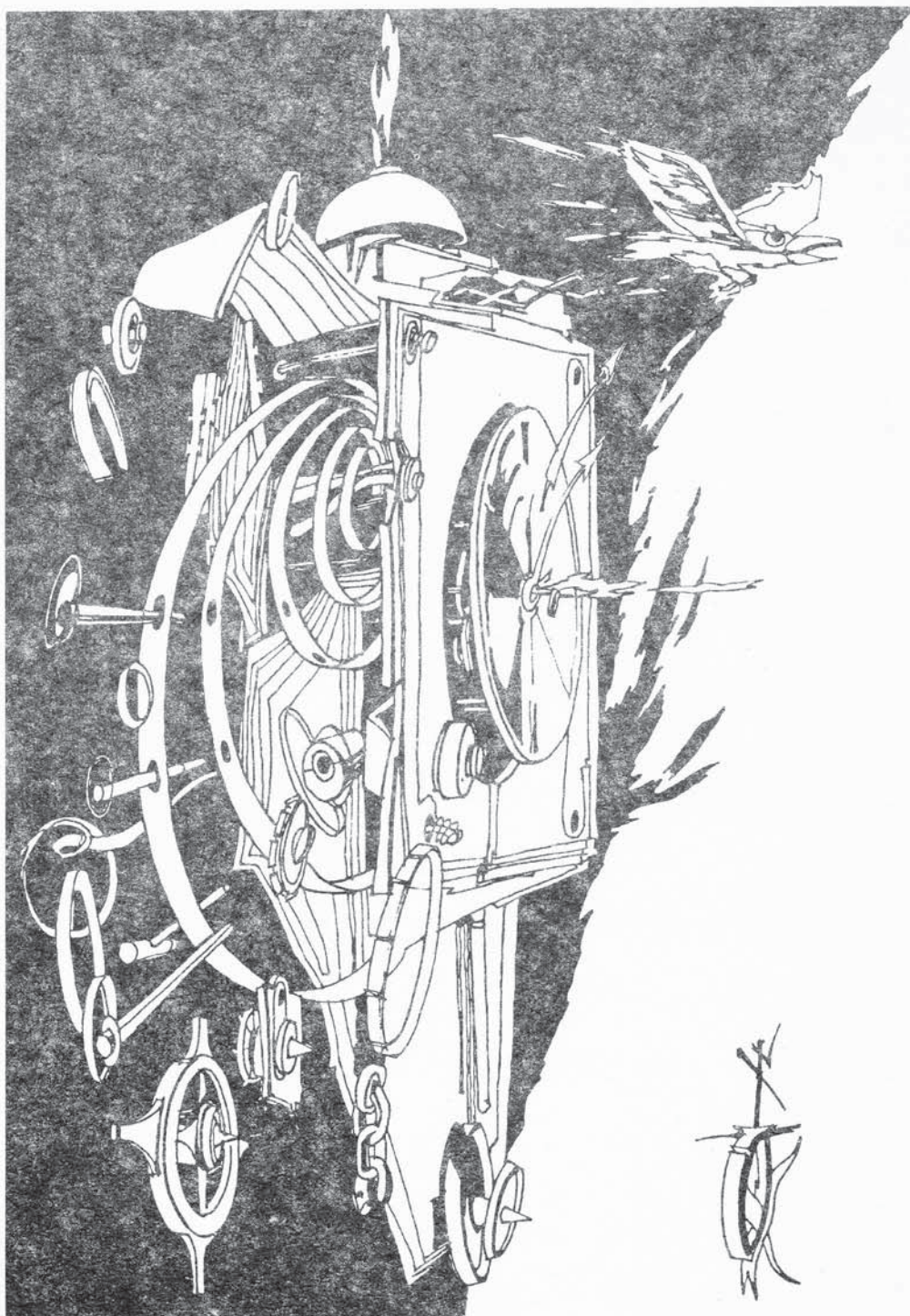

Рисунок Н.Гнетнев. г.Н.Новгород

РЕЗО ГАБРИАДЗЕ. СВОБОДА ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

1. Археолог любви

В темной широкой рубаше, одежда каменщика, усталость Демурга, радость его, представляющего свой мир зрителю. Невысокая фигура в белом и сером на фоне черного занавеса, руки разведенные в стороны в стремлении охватить мир и руки прижатые к груди, умоляющие поверить...

- Это было в Сухуми после войны, было много вдов, но цвели деревья...

- Что ты, Резо, - говорят из-за сцены - спектакль не об этом!

- Да-да, соглашается тот, у меня так бывает, это было в Иране, на родине великого Саади, я заглянул в колодец, там в глубине ступенька - поставить ведро и отдохнуть, так вот там сидели два голубя, они любили друг друга и пели друг другу!

- Нет же, Резо, говорю я, это было в Ереване, в гостинице на холмах, оттуда видно дорогу в город, ночью по ней идут машины с зажженными фарами - с красными в одну сторону, с желтыми в другую - я фотографировал эту дорогу...

- Да-да, соглашается Резо, это спектакль о любви, я заглянул в этот колодец, в эти прекрасные десяти-двенадцатые века - и увидел только любовь - вот и все.

2. Пушкин на дирижабле.

- Давайте ограничимся Пушкиным.

Пушкин на дирижабле. Или на воздушном шаре? Давайте на воздушном шаре. Так. Это пар. Это Нижний Новгород. А это Болдино. И дождь! Пушкин летит из Болдино в Нижний Новгород. Как вы думаете, он взял бы с собой вино? Я тоже думаю, что взял бы. Ну вот, по-моему, неплохо получилось.

3. Интервью по памяти.

- В нашем изменчивом мире... Нет, начнем вот так: я очень рад, что начинается жизнь нового журнала "Дирижабль". Мне как грузинскому писателю очень приятно, что молодые люди собираются служить вечным идеалам и человеческим взаимоотношениям. Я не знаю как это у вас разовьется, и вы сами наверное не знаете, но мне хотелось бы, чтобы это развивалось в сторону гуманных идей и в сторону свободы. Потому что свобода - это единение нас в божественном идеале. И чтобы вы служили миру. Вы должны помнить, что мир - это Болдино, Нижний Новгород, Россия, а дальше - Цейлон, Грузия, Франция, Америка... И в этом единстве вы и должны находиться. Я верю, что вы будете служить свободе, вот и все.

Счастливого поезда
вперед от аполлонов

Н. Н. Бородин

Бородин

АНДРЕЙ СТРЕЛКОВ. УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГОД

Дмитрию Худякову

Давление невидимых планет
 Стечение людей и обстоятельств
 На спинах выпускаемых монет
 Все те же клейма. Мрачных пророчеств
 В их адрес исполняется число
 А там дорога, и бездомная собака
 Прибьется к потерявшему пути
 - Мне никогда из дома не уйти
 Пока не рухнут стены и бумага
 Скрепляющая тело и огонь
 Не выберет последнего. Я беден,
 И с каждым днем издерганней и злей
 Фигуры журавлиных кораблей
 Меня уже не выведут из комы
 Я в зеркале встречаюсь с незнакомым
 Холодным и внимательным лицом
 И если сын оставленный отцом
 Дороже нам гвоздей и перекладин
 То это нестареющая ложь.
 Воспоминанье мучает как нож
 Мы память беспокойную разгладим
 На небе вспыхнет черная луна
 И солнце незашедшее остынет
 Сегодня я как новый Иоанн
 Сжигаю губы горечью полыни.

Мой камерный проклятый Вавилон,
 Достроен до ступени разрушенья
 Вопрос любви не знает разрешенья
 На слове "я" я буду ставить "он".

Но слава богу все уничтожимо
 Как тайна бытия непостижима
 Как имя несказуемо, как сон
 Нерастолкованным останется во мраке
 Как странники и умные собаки
 Все знают и не помнят о судьбе
 Как никогда не выпадет тебе
 Остаться с уходящим от порога
 Как никуда не выведет дорога
 Как ни о ком не следует жалеть
 Как не секрет что с нами будет впрямь
 Как не разять прозрения с презреньем
 Как за утраты платят озареньем
 Но оставляют все-таки в долгу
 Как много горечи на этом берегу
 Как мало оттолкнувшихся шестами
 Как мысли закрепленные листьями
 Удерживают в призрачном кругу.

1990

ЗИМНИЕ ПРОГУЛКИ

Когда зимой не отыщешь снега
 Теперь такие зимы нередкий случай
 Забыв на бегу о привычке к бегу
 Человек становится вдруг колючим
 Не ищет тепла и улыбки друга
 Стоит на ветру непоколебим и страшен прохожим
 Потерян для дела, любви и круга
 Звезда поднимаемая уколает сердце
 Коснувшись лучами озябшей кожи
 Куда ни пойдешь невозможно согреться
 На черных кварталах бесснежного города
 Простуженный ум переходит в бороду
 Согласно одной из избитых шуток
 Слух становится необычайно чуток
 Пугливо вздрогнув на женский вскрик
 Просто блажь хорошо согретого тела
 В сущности нет никакого дела
 До этого мира и стыдно играть в героя
 Или давиться вновь нищетою книг
 В такие морозы сгорела Троя
 Об этом еще напишет двойник
 Гомера
 Когда живешь и шагаешь без меры
 Становится другом и ветер в кости
 Сметающий снег на последней крыше
 Если замочить пель или стачать кричать "прости"
 Этого все равно не услышать.

Все-таки город оставленный снегом
 Являет достаточно жуткий вид
 Царство мертвых лишенное Библии и покрывала
 Нетрудно встретить Харона
 В колени одной из забытых стрит
 Исправився дальше вместе и влить за что платяю
 Легко захмелевший на этом свете
 Он грубо предложит хорошую цену
 Не в силах убавить по долгу службы
 И не желая грабить,
 В обиду дружбы
 Лодка качнувшись ударит в стену
 И я улыбаясь одними губами
 Качну головой на бездонно пустые карманы
 Теперь между нами не будет и тени обмана
 И четкой границы не будет уже между нами
 Расправив с улыбкой сутулые крепкие плечи
 Он вдруг заторопится - все-таки тени и тени
 Беспушно растает в раскрытой над городом тени
 Чтобы уже не узнать при повторной встрече.

17. II. 90

* * *

Удивительный год. Лучшее время жизни
Если угадывать лучшее в том, что уже позади
Снег прекращает все
Тяжесть его на крышах
Оборачивается легкостью в груди.

Я вернулся домой
К беспредметности нежности и печали
К археологии имен
К зыбнувшей сказке о превращении времен
В веселящую воду
Удивил Декарта перед "мыслю" поставлю "тыю"
Невеселые вина.
Нет нужды к отысканью причин
Нам все равно не выбраться дальше предлогов
Изначальна печаль,
Изначально движение любви
К утолению первой
Вся глубина мироздания
Умещается в слове "стерва"
Или слиянии горячих губ
И потерянном лепете "милая"
Но причина находится глубже
Она объясняет себя
Она словно тот перводвигатель
Приводящий ремнями в движение
Седьмое хрустальное небо
Логика Аристотеля.

Прикасаясь глазами к уксусу старых книг
Я безутешен душой
Понимая, что этот миг
Больше, чем вечность.
Как перепуталось все
Годы множатся простым вычитанием
Из золотой нерастроченной суммы.

Doctor Mysticus клеит на кухне
Говорящие перепончатые куклы
Чтобы унижить Создателя
Сделав нечто еще менее совершенное
Его отвлекает бьющий в окно фейерверк
Разноцветные перья
Невозможной диковиной птицы
С позабытым названием. Отложил долото
Он спешит к столу, занести в страницы
Основы "Shimano Deum"
И во сне к нему возвращаются те,
Что когда-то случились рядом
И с ними одна, по имени "Ты"
С ней стояли обнявшись
И ловили глазами в небе
Гаснущие цветы
И все они живы сейчас едва ли

В середине нового века
И утро в окно протянув лучи
Найдет спящего за столом человека
И расплавленный воск свечи.

13-14.XI.90

* * *

Налаженное зимнее тепло
К твоей досаде будет утешеньем
Гостиничное тусклое стекло
Тебе вернет умершие глаза
Нельзя принять последнее решение
Нельзя вернуться - нежное "назад"
Уже сквозит сквозь сеточку покоя
Ты отвернешься к темному окну
Куда еще? Тобаго? Тринидад?
Закрыв маяк ослепшею рукою
Ты называешь гору - "Митридат".

Играет форточкой безумный ветерок
Ты запираешь двери на замок
В попытке оставленья за порогом.
Сушешкой неответа на вопрос
Не гасишь свет, но верная дорога
Лежит в дверях как сумашедший пес.

Лишь море остановка на пути
Где тот корабль, что уходит в Фарсис
Ты бродишь берегом и ветер на груди
Гнездится в развевающемся шарфе.
Бегущий бога в этом январе
Ты был бы сон, когда бы не Елена
В дыхании, в желании, в крови
Троянский грубый неотвязный бред
Мучение от нежности и плена
Возможность и несбыточность любви.

Приходит утро. Бледность мертвеца
И неуверенность движения и шага
Какие там достоинство, отвага
Минут отражение лица
Ломаю сны покинутого бога
Не помня, не надеясь, не любя
Раскроешь двери. Зимняя дорога
Соленым ветром вылизжет тебя.

I.1990

МИХАИЛ ПОГАРСКИЙ. РОМАН КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Пролог

Он лежал с глухого похмелья и записывал впечатления для будущего романа. Впечатлений было много. Он лежал и записывал. Он даже пытался встать и добраться к столу, но поняв всю бесплодность этой затеи, вернулся и продолжил их запись в ничто, рассудив, что это правильно, что все равно не удастся оформить их в черно-белые словеса, тем более когда такая мусть на душе, когда именно то состояние, что уж ни в коем разе нельзя схватить на работу в общественно-колесном транспорте. Он подумал еще, что странно, как это может вся гамма похмелья оформиться в какой-то одной короткой фразе и звучать рефреном все утро. Сегодня это была цитата из Бендера: "Какое же это свинство так напиваться за рубль".

Он все таки дошел до стола, размашисто записал какую-то чушь и так на нем и уснул, объяснив себе, что это правильно, что постушок этот определенно украсит и без того емкую по своей бессмысленности ситуацию.

Пространство звенело опустошающей своей прозрачностью. И позывные всесоюзной программы радио приобретали свой изначально вселенский смысл. Он пришел просто в телачий восторг от сообщения, что сегодня среда и к тому же 9 января. Вот, подумал он, заботятся они, однако, о людях. И еще вдруг вспомнил про расстрел мирной демонстрации...

Шли понимаешь люди с хоругвями, и в них это самое... Это был расстрел Бога, обозначил он себе, второе или, может быть, тысячное его распятие.

Он еще подумал о странности рассуждений своих, и стал складывать из бумаги лягушку...

Лягушка умела прыгать и это почему-то радовало его...

Вот, записал он, тоже прыгает.

И вдруг стал серьезным. Пришел, можно сказать, на кухню и выпил там рюмку водки. Это было зверски противно, и он успокоился. Роман начинается. Как-то ни с того ни с сего, понял он. Странно, что с похмелья. Не начинается ли и вся наша жизнь с похмелья? Мысль показалась слишком глубокой и он оставил ее...

Потом долго искал синоним к слову "подумал". Получалось все время какое-то "подумал". Под "подумал" мы понимаем не то что оно означает решил он...

Все нормально, вот нашлся вчера, сегодня роман пишу. А Толстой говорят не шел. Под конец. Из принципа. Неправильно видимо. Принцип не тот. Принцип идет от королевского корня. А тут не шел. Отношение должно быть соответствующее...

Стало проясняться "вчера". Что-то слишком уж подурочки он вчера жил. Обещал что-то. Хвалился. Любит он спьяну хвалиться. А еще говорят - хитрый. То же мне жи-тр-р-р-ий...

Сейчас рассветет, пойду кофе искать, и в музей, среда тем более. Бесплатно.

Холодная вода отрезвляет, вроде. Тогда уж лучше теплой, решил он и включил колонку. Однако, что за акинею он нес вчера Светочке? Но она, между прочим, внимала. Хэмь, Светочка, как у Монахова.

Он умылся и опять сел за стол. Отправил своего героя к Светочке и все это там у них очень просто вышло. Изменил он (герой) не по любви, а от скуки, было у него это в первый раз, и он мучился совестью, не понимая, что измена, как и любой грех не может быть абсолютным, что и нет наверно таких, которые бы не изменили, просто не всем повезло с условиями, и что раз все могут изменять, то, видимо, это естественно. Впрочем, герой очень быстро пришел к этому, но с неожиданной вдруг концовкой - скучно жить естественно если ты человек.

Но Светочка... Эта похоже изменила по любви, хотя трудно сказать наверное...

Так. А не пойти ли и в самом деле к Светочке? Что музей, в музей он часто с похмелья ходит, а вот завести с похмелья любовницу, хэм...

И он пошел, но все было не так. Дома оказались проспавшие садик дети, он выпил кофе и его затошнило вдруг, и он поспешно и неловко откланялся и вышел. Странно, думал он, в музее никогда не тошнило, а тут... С чего бы это? Бог реанует, состряпал он мысль для романа. Не к Светочке, конечно. К замыслу. Одним дадено жить, другим жизнь создавать. Ты кто? Выискался понимаешь кузнец счастья... Надо вот что, надо, пожалуй пива попить.

Любит он, однако, антураж подходящий. Любит украшать. Вот и сейчас сидит рисуется, роман в пивной пишет. Хотел он своего героя побить, через мужа Светочки, но начал вдруг о себе писать.

О том как устал он жить в этой бессмысленной лжи, говорить жене, что уходит по делу, и слоняться по тихому городу, и врать себе, что пишет роман, что это уж никак не безделье писать роман...

Потом его как-то увело на тему Судьбы. Он так увлекся всяким там везением и невезением, и вдруг его прямо-таки проняло. А почему ему, собственно, так везет? Нет он, конечно, живет мерзко, от него постоянно чего-то требуют, он занимается чепухой какой-то, но вот почему эта чепуха всегда плодотворна (плодотворна)? Почему карьера его так удачна? Не потому ли, что ему наплевать на нас? Не есть ли

это хитрый трюк увести его от его дела? Не боянь ли это тех высших сил, что он слишком близко может подойти к разгадке, к запретной теме? Впрочем, чушь, конечно. Тоже мне мессия выискался. Допивая свое пиво и вали.

Ему вдруг захотелось поесть солянки, и чтоб обязательно с маслинкой была, и он зашел в утренний ресторан, первым посетителем и взял там двести водочки и солянки. Роман отпустил. Захотелось сделать что-нибудь такое. Дурацкое. Без прикличений живем. Нельзя это. Но мозг ослышавший от обиденности не мог ничего придумать кроме еще ста пятидесяти...

Очнулся он утром в обществе трех веселящихся девиц и некоего Гоппи, на даче которого, судя по всему, они в данный момент и были. Он чувствовал себя пимотком технической ваты, и самое мрачное, что ни черта не помнил. Видимо он выглядел очень комично, потому что ласковые шутки не переставали сыпаться на него из уст хорошеньких жриц и толстого Гоппи. Однако с которой же он спал? И спал ли вообще? Судя по болезненным ощущениям он мог спать со всеми тремя и Гошей апридачу. Но не помнил. Мрак. Спал. Но не помнил. Уж лучше бы помнил, но не спал... Надо лезть отсюда. Мрак...

Оказалось, что Гоппин шофер будет только к обеду, и если ему срочно надо, то есть километрах в трех электричка, но лучше бы ему сначала в сауу, а то вид у него... Ему срочно, и ему наплевать и на вид и на сауу...

Он шел по тихому заснеженному утру, которое так вязалось с человеческим промыслом. Он вдруг нарочно упал и долго лежал уткнувшись ватным лицом своим в снежную негу. Вспомнилась церковь на пасху. Старая деревянная церковь без городской суеты и праздности. И это пеняе старухек:

Христос воскрес из мертвых Смертию смерть поправ.

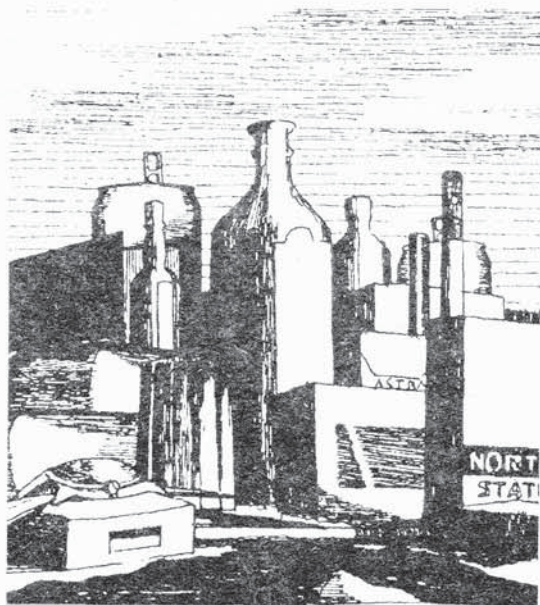

РИСУНОК В. СТРЕЛКОВА, г.Н.-НОВГОРОД

Строка эта не давала ему покоя. Шум электрички и эта строка отключили от мира. Нельзя сказать, что он думал о смысле ее, но скорее о том, что не понимает смысла, то есть ну совсем не может понять почему "смертию"? Поэзия всегда тайна, а иначе и не поэзия она, а так бесстыдство одно или пошлость...

Потом он все объяснял контролерам, что у него нет ни денег ни документов, что он заблудился, предлагал им в уплату шапку и в конце концов они оставили его вместе с шапкой этой дурацкой и этой строкой...

Как домой-то не хочется. Опять объяснения эти, опять что-то врать.

И ведь все очень ясно чем кончится. Но надо пройти этот idiotский ритуал объяснений. А, да не будет он ничего врать так и скажет нашлись, а очнулся на вокзале. Ведь мог же он очнуться на вокзале? Может он на вокзале-то как раз и очнулся, а контролеров этих вместе с девицами-то и не было. Строка была, а контролеров не было. Может и были, но он не помнит...

И он пошел в Светочке. И на этот раз все было. Она так и прильнула к нему. Он просто огромным себя чувствовал. Он где-то даже полюбил ее, видимо. Хотя нет это, пожалуй, не любовь была, но тоска по Любви. Ему подумалось,

что и у Светочки может быть только тоска. Он вспомнил вдруг о романе.

Романа не было. Он потерял. Или и не писал вообще? Или это была только тоска по роману. Измена его перед постылевшей жизнью.

Смертью смерть поправ.

Он уловил вдруг основной тон смысла. "Смертью" - восшествием на Голгофу. И строка поблекла как-то... Не только, сказал он себе. Там другое...

И дадено одним жить, а другим сочинять жизнь, сочинять для жены, для мамы, для друзей, для Светочки, для себя ...

Эпиграф

Он торопился.
Бежал, кажется, кого-то встречать.
Попал под поезд.
Подвернулась нога.
Но дело не в этом, ведь,
Смерть тысячи раз проходила мимо,
Затормозившей машиной,
Люстрой, не сорвавшейся с потолка,
Дробинкой,
Пролетающей вдоль виска,
И лишь иногда ударяющей в спину.
Тысячи раз он был ранен, смертельно.
И сам, не подозревая того,
Он всю свою жизнь искал выхода из вселенной.
И вот наконец он нашел его...
Он успел ощутить мгновение.
Прикосновение к вечности.
И ему было не до
Механического зверя,
Раздирающего его конечности...
Но мозг,
До конца еще не переступивший рубеж,
Из пары слов
Успел оформить огромную мысль:
"Еще не готов."
И эта мысль,
Расколовшая пространство меж
Металла и бетонных плит,
Что-то сдвинула.
Вечность не произошла.
И он откуда-то из далека
Наблюдал работу реаниматора,
Понимая, что реанимация уже прошла.
И это только спивание частичек тела,
Его механического ничто...
Выше Величество, ну какое дело
В каком я сегодня пришел пальто.
Ты скажешь, что снова как сволочь пьян,
Что мол обещал, но не встретил брата.
А если не вру, тогда где же шрам?
Где череп, расколотый пополам?..
И взор твой вязок и пуст, как вата...
Он потом долго болел, лежал в бреду.
Не верил себе и не видел шрам.
И грустно было на двадцать седьмом году
Не добрать до вечности всего лишь грамм.
1991 г., январь.

Рисунок П. ВЕЩЕВА. г. Санкт-Петербург

АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ И СТАРЕЦ ФЕДОР КУЗЬМИЧ

По легенде, в ноябре 1825 года император Александр Первый ушел от мира, инсценировав свою смерть в Таганроге, и продолжил свой земной путь странником Федором Кузьмичем.

Сотрудники альманаха Е.Стрелков и М.Погарский беседуют с писателем

ЛЕОНИДОМ БЕЖИНЫМ

М.Погарский: Леонид Евгеньевич, мы хотели бы поговорить с Вами о творчестве, творчестве не только художественном, но творчестве жизни. Жизнь как произведение искусства. Например, жизнь императора Александра Первого, это ведь гениальное явление. То есть, фактически, две жизни. И хотя император Александр и старец Федор Кузьмич, видимо, один человек, но это как бы один человек в двух лицах. Человек остановил свою жизнь и начал жить как бы с нуля. Видимо, он понял, что, оставаясь монархом, он ничего не прибавит к своей жизни, эта линия как бы достигла своего насыщения.

Л.Бежин: Ну, здесь это не совсем так. Это идея чисто восточная - жизнь как искусство. Это все-таки не идея Федора Кузьмича. У него, конечно, были другие мотивы. И понять эту драму, эту потрясающую судьбу можно, лишь отталкиваясь от каких-то высших начал. Я это понимаю так: Александру просто было указано Свыше. И недаром всей его жизни сопутствовали какие-то знамения: всякий раз, когда происходил перелом, появлялись на небе кометы или какие-то светящиеся столбы; когда он умирал в доме купца Хромова, из дома трижды выбросило огромное пламя. И пожарные Томска, думая, что это пожар, сели на свою бочку и загрохотали по городу в поисках пожара.

То есть, кем бы мы не были - атеистами или верующими - совершенно очевидно, что человек вошел во взаимодействие с божественными (космическими, духовными, назовите это как хотите) силами. Можно перечислить и чисто личные мотивы. И я бы начал здесь не с того, что он разочаровался в своей реформаторской деятельности. Я бы начал с того, что он всю жизнь ощущал раскаяние за невольное участие в заговоре против отца. Он считал себя невольным соучастником убийства Павла Первого, хотя бы потому, что он об этом знал. Ему сказали, что убийства не будет, что Павла просто принудят отказаться от престола. Но произошло убийство, и он чувствовал себя невольным виновником. А уже затем следует и разочарование в реформах и ощущение исконного консерватизма Русского государственного строя. Сыграли роль и его личные качества: Александр не чувствовал себя созданным для власти, тяготился ею, его все время преследовала мысль удалить-ся и жить как частный человек.

М.П.: Невольное участие в заговоре, видимо, тяготило его постоянно. И недаром, когда ему сообщили о заговоре тайных обществ, он ответил: "Не мне их судить".

Л.Б.: Да, это верно.

Но если уж мы решили говорить об императоре Александре, то давайте зададим себе один и, наверное, главный вопрос: "Действительно ли сибирский старец Федор Кузьмич - это Александр Первый?"

Сейчас снова стали появляться публикации, какое-то время их не было. После статьи Любимова в "Вопросах истории" долгое время ничего не появлялось. Сейчас интерес историков к этой проблеме оживился, и мало-помалу начинают появляться небольшие заметки. И я знаю, что уже написаны, хотя и не опубликованы большие работы на эту тему.

В Ленинграде мне пришлось встречаться с искусствоведом Хрипанковым, он подготовил очень интересную работу. И вот он считает, что на основании документов, которыми располагает, тождество этих двух людей уже доказано. И единственное, что нужно сделать, говорит он, это вскрыть могилу в Петропавловской крепости и убедиться в том, что она пуста.

Эйдельман в своей книге "Последний декабрист" пишет, что когда происходило вскрытие этой могилы в двадцать первом году, то она действительно оказалась пустой. В подтверждение этого там приводится более тридцати устных свидетельских показаний. Но скрупулезному историку все равно необходимо сомневаться.

Е. Стрелков: А нужно ли вообще это доказывать? Для историка это, понятно, очень важно. А вот с нашей точки зрения, с Вашей, нужно ли это?

Л.Б.: Я как раз хотел перейти к этому вопросу и попытаться объяснить здесь свою позицию. Я, как историк, не собираюсь доказывать то, что Александр Первый - это Федор Кузьмич. Здесь я опираюсь только на свое внутреннее знание того, что это действительно так. Вы можете здесь, конечно, от меня просто-напросто отмахнуться, сказать, что это чистая субъективщина, что мало ли кто что знает, что это вообще не надо учить. Но я опираюсь именно на это. Опираюсь точно так же, как купец Хромов, который твердо знал, что Александр Первый - это старец Федор Кузьмич, хотя неопровержимых исторических доказательств у него тоже не было. Единственное, чем он располагал, это метрическое свидетельство о заключении брака между великим князем Александром Павловичем и Елизаветтой Алексеевной. Это свидетельство хранилось у старца Федора Кузьмича в сундучке. И после его смерти купец Хромов его обнаружил. Говорят, что также в бумагах Федора Кузьмича он нашел письмо Наполеона к Александру Первому. Но это все косвенные доказательства. Прямых доказательств у Хромова не было, но при этом купец Хромов твердо ЗНАЛ, что это так. И всю свою оставшуюся жизнь после 1864 года он положил на то, чтобы как можно больше людей тоже узнало об этом.

Еще один пример такого знания - это "Роза Мира" Даниила Андреева. Он там точно теми же словами и пишет, мол я не собираюсь доказывать эту версию как историк, а ЗНАЮ, что это так, и знаю это на основе своего духовного визионерского опыта. Когда он сидел во Владимирской тюрьме, его посещали эти поразительные видения, на основе которых сложилась впоследствии "Роза Мира". В одном из таких видений перед ним промчался всадник на коне с развевающейся мантией, это был Александр Первый, предводитель синклита России. И у Даниила Андреева было духовное общение с этим всадником,

из которого он вынес, что старец Федор Кузьмич был Александром Первым.

И еще, поскольку Вы из Нижнего Новгорода, я хотел упомянуть об одном месте, связанном с Александром Первым. Это Саров. По мнению Даниила Андреева, после инсценировки своей смерти в Таганроге Александр удалился в монастырь в Саров и проходил послушание у преподобного Серафима Саровского. Именно туда к нему приезжал Николай Первый, с которым они беседовали. В "Розе Мира" все это подробно описано. Но что касается историков, то я встречал упоминание о том, что Александр посетил Серафима Саровского перед Таганрогом.

Е.С.: Любопытное, конечно, место Саров - это ведь Арзамас-16, место, где была создана атомная бомба и место, откуда вышел Сахаров.

Л.Б.: Сахаров, конечно, личность интересная. Он ведь воплощает собой особый тип духовности. Этот тип, как мне кажется, происходит именно оттого, что он человек технического склада ума. Где-то в тридцатые-сороковые годы у нас завязывается вот эта "сахаровская" формация гуманитарных деятелей. Развитие его шло сугубо по технической линии, но при этом параллельно накапливалось осознание пагубности с гуманитарной точки зрения, и на основе этого выработалось гуманитарное сознание. Но поскольку основа-то все та же прогрессивно-техническая, отсюда ограниченность его гуманитарного мышления. Вот все восторгаются Сахаровым, но как они не чувствуют ограниченности его мышления? У него была полная оторванность от религии и от тех духовных начал, без которых настоящего гуманитарного мышления быть не может.

И вот с Саровом связаны судьбы двух гуманистов и, соответственно, два типа духовности: Серафим Саровский и Сахаров. Две, наверное, в равной степени выдающиеся личности. И какая глубочайшая между ними разница. И тут же третья личность - Александр Первый, который, может быть, оба эти начала соединил в себе.

М.П.: Возвращаясь к Александру, я хотел бы спросить: как Вы думаете, в чем был смысл ухода его от власти? Был ли этот уход важен для Александра как личности, или же это было важно для всей России?

Л.Б.: Даже больше, чем для России, это было необыкновенно важное деяние для всего космического универсума. И Александр, безусловно, чувствовал себя здесь проводником и орудием высших сил. Он испробовал себя в земных деяниях как монарх, император, крупнейший европейский политик. Он испробовал себя в политике, войне, реформах, испробовал себя сполна. И, безусловно, осознал ограниченность, осознал, что многого так не добьешься. И тут перед ним предстала перспектива совершенно иного, духовного деяния. Он почувствовал, как можно Мир сдвинуть всего лишь тем, что ты один уйдешь в скит, в келью, уединишься и предашься простой молитве. Ты один и ты можешь сдвинуть Мир! Ты был императором с огромными вроде бы возможностями, и ты Мир не сдвинул. В сущности, все развалилось из того, что ты хотел: и Священный союз, и отмена крепостного права, и конституция. А вот в скиту и в молитве ты действительно можешь сдвинуть Мир. Это перед ним открылось. Этим путем он пошел. И это он, в конце концов, безусловно осуществил. И здесь я верю Даниилу Андрееву, что Александр сейчас стоит во главе синклита России.

Но надо обладать особым зрением, чтобы увидеть, что внесло в Мир деяние Александра. Я уверен, какие-то пропорции, безусловно, изменились.

М.П.: Может быть, это еще не проявилось и только сейчас начинает проявляться?

Л.Б.: Может быть. Но я, например, сейчас осознаю его деяние как поворотный пункт всей русской истории, как кульминацию всей русской истории. По моему ощущению, это важнейшая точка отсчета. И когда во всей полноте проявится и зазвучит эта тайна, мы просто совсем по-другому будем смотреть на русскую историю. Разве Вы не чувствуете этого? Осознайте себе во всей полноте деяние Александра и смотрите, как все преобразуется в истории России. Происходит действительно кульминация. Духовное начало дома Романовых постепенно возрастало, накапливалось и вдруг воплотилось в фигуре императора, который стал святым! Ведь ему был дан дар прозорливости! Вы представляете себе, сугубо светский человек, монарх, император, изнеженный, капризный, носил мундир с эполетами, душился сладкими духами, обедал на серебре... И вдруг он проходит такой духовный путь, что обретает дар прозорливости! Обладает способностью исцелять болезни! Это ведь дается избранным. Он мог предвидеть будущее. Когда к нему приходил незнакомый человек, он сразу называл его по имени, хотя и видел впервые. Он распознавал воров и разбойников. Лечил. Все время лечил. Однажды его стал укорять один священник в том, что он не причащается и не исповедуется. А потом ушел и слег ни с того ни с сего, да так слег, что чуть не умер, и тогда уже родственники взмолились: "Федор Кузьмич, да прости уж ты его, да исцели уж ты его". Он сказал тогда: "Ну хорошо, идите, с ним будет все в порядке". И священник выздоровел. То есть, понимаете, какой духовной высоты достиг этот человек? И ведь ему были видения! Святой Троицы! Это вообще дается только избранным. Он видел и Святую Троицу, и Христа видел. И когда ему говорили: "Почему Вы не причащаетесь?", он отвечал: "А Господь удостоил меня вкушать эту пищу". То есть, он жил настолько утонченной жизнью и ему были открыты такие тайны, что мы можем на все это взирать только с удивлением и страхом.

М.П.: Он оставил после себя какое-нибудь рукописное наследие?

Л.Б.: Нет. Но он оставил после себя свою знаменитую тайну. Перед смертью он подозвал к себе Хромова, показал на маленький мешочек и сказал: "В нем моя тайна". Потом этот мешочек раскрыли и в нем оказалось несколько полос бумаги с какими-то непонятными письменами, которые до сих пор окончательно не расшифрованы, хотя, в общем-то, уже появились некоторые версии, и, судя по всему, там идет речь о взаимоотношениях с Николаем Первым. Других рукописных работ он после себя не оставил... Толстой в своей повести пытался воспроизвести воображаемые посмертные записки старца Федора Кузьмича, но не дописал просто потому, что ему царским повелением запретили писать. Это была фамильная тайна, и ее нельзя было раскрывать.

М.П.: Интересно, что величайшие люди не оставляли после себя рукописного наследия. Сократ, Христос, у них нашлись ученики, проводники их учения, которые, собственно, могли и искажать его. Почему же Учителя не писали сами? Не могли или не хотели?

Л.Б.: Я думаю, потому, что по духовной иерархии письменное творчество гораздо ниже, чем творчество в жизни. Это знали и на Востоке, и в Греции, это знали христиане. Пишущий человек не может быть совершенен духовно. И если ты хочешь подняться выше, то на определенном уровне ты должен писательство бросить. Писательство — это тот груз, который будет тебя удерживать, будет мешать тебе подниматься вверх. Каким бы духовным не было твое творчество, но ты все равно будешь искать стиль, будешь искать сочетания слов, красивые сравнения. А это уже неправда! Уже не дух. Уже не совершенство.

М.П.: Но ведь бывает и такое творчество, когда человек выступает как Проводник.

Л.Б.: И даже в этом случае все равно останутся какие-нибудь литературские, мирские, грешные заботы.

Е.С.: Но когда человек не шипит, а говорит, он не может рассчитывать на то, что его слова дойдут без искажения.

Л.Б.: А это его и не заботит. И более того, он может быть уверен в том, что запомнится и зафиксировано именно то, что нужно. Иисус говорил: "Не думайте о том, что сказать, в нужный момент Вы скажете именно то, что требуется". Так, собственно, оно и было. Я уверен, что из всех высказываний пророков и Учителей было зафиксировано самое нужное Миру. В том числе и из всего того, что говорил Иисус. Я уверен, что Евангелие — это самое точное переложение слов Иисуса. Чтобы там не говорили историки религии, какие бы они не раскапывали апокрифические материалы, я все равно уверен, что в четырех Евангелиях зафиксировано самое верное, самая неукоснительная суть учения Христа. Иначе просто быть не могло! Точно так же, как в "Лунь юе" Конфуция сосредоточена вся суть конфуцианского учения, именно так, как она должна была явиться Миру. То же самое в Коране, то же самое и в любом другом памятнике подобного рода.

Е.С.: Интересно, что канонические Евангелия были не сразу признаны. Получается, что над ними работали не только евангелисты, но и целые поколения. То есть, до определенного момента тексты как бы отстаивались. И когда, видимо, были готовы окончательно, то были утверждены на Соборе.

Л.Б.: Да, но ведь Собором-то они были не случайно признаны! Это было не просто коллективное мнение собравшихся на Соборе людей. За этим, безусловно, стояло что-то высшее.

М.П.: А из наследия Федора Кузьмича можно ли выделить какое-то особое учение или же он проповедовал традиционное православие?

Л.Б.: Это вопрос, который меня очень волнует. И, может быть, я еще до конца не нашел на него ответа. Здесь существуют разные версии. И самая нелепая из них принадлежит большевистскому профессору Кулешову, который выпустил в двадцать третьем году книжку на эту тему. В этой книжке утверждается, что Федор Кузьмич был масон. Существует также версия, что Федор Кузьмич был неортодоксальный мистик. Говорят, что он был сектантом, баптистом. Существует также версия, что он якобы был на Тибете и прошел там весь этот восточный тренинг. Но, мне кажется, что, скорее всего, он был именно настоящим русским старцем. И духовная основа у него чисто православная. Никакой ереси в нем не угадывается.

Другое дело, что обстоятельства вынуждали его выдерживаться от исповеди и причастия. Он не мог на исповеди открыть свою тайну. А так это был настоящий православный старец. И недаром, когда одна из воспитанниц, которую он послал в монастырь, побывала в Киево-Печерской лавре и попросила там благословения у схимника, тот ей ответил: "Зачем тебе мое благословение? Там у вас на Красной речке живет величайший Подвижник! Это столп от Земли до Неба!" То, что чисто православный человек, схимник считал возможным в таких словах отозваться, подтверждает, что Федор Кузьмич был православным старцем.

М.П.: Как же все-таки отразился уход от власти Александра на жизни России? Ведь с приходом Николая Первого настали худшие времена, застой, как бы у нас сейчас выразились.

Л.Б.: Можно проследить историю России с двадцать пятого по шестьдесят четвертый год девятнадцатого века и выделить в ней такие моменты, такие узловые пункты, когда Россию словно бы что-то спасало и удерживало. Либо это было спасение в каких-то сражениях, либо неудавшиеся дворцовые перевороты, либо еще что-то. И я думаю, в такие моменты, когда Россия на грани краха, на краю бездны, именно в такие моменты проявляется влияние людей, подобных Федору Кузьмичу. Пример такого вмешательства мне привела недавно в разговоре Алла Александровна Андреева, вдова Дании-

ла Андреева. Во время Второй мировой войны она была в Москве. Она мне нарисовала такую картину: сорок первый год. Немцы все ближе и ближе. У всех явное ощущение, что Москву займут. И не сегодня-завтра будет правительственное сообщение. И действительно, в один из дней по радио объявили, что в 12 часов ожидается важное сообщение. Все уже знали, о чем оно будет. И вот 12 часов. Вдруг Левитан говорит, что сообщение переносится на четыре часа. Что произошло в это время, определить невозможно. Никаких внешних событий не было. Но почему-то внутренне ощущался какой-то перелом, вдруг стало ясно, что Москву не займут. И действительно, в четыре часа ничего важного объявлено не было. И только потом, говорит Алла Александровна, я узнала, что именно в это время какие-то богомольные старушки устроили на Красной площади крестный ход. Взяли иконы и ходили вокруг Кремля с молитвами. То есть, они в буквальном смысле слова отмолили Москву.

Вот вам пример такого незримого вмешательства, такого удержания России на краю пропасти, на краю бездны. И я думаю, что если так подойти к этому историческому периоду и обладать при этом некоторой способностью духовного видения и духовного анализа, то, без сомнения, выявится огромное влияние, которое оказал Федор Кузьмич на Россию. И мы окончательно убедимся, что событие, происшедшее в 1825, было кульминационным для истории России.

РИСУНОК А. СТРЕЛКОВА, г.Н.-НОВГОРОД

ИГОРЬ ЭЙДМАН. ПРОСТРАНСТВО

СВЕТ

Когда вечерний влажный свет
Слегка придушенный печалью
В дверях пустых меня встречает
Мой собутыльник и сосед.

Как грустно жить, когда в окно
Влетает скрип коньков и клюшек
И свет от возраста приглушен
По книгам странствует как гном...

Но вот в квартире гаснет свет
Пространство не подвластно зрению
И снова спать приходит время
И разум отступает в бред.

НА ОТКОСЕ

Земля и небо лепестки,
А может просто лоскуты
Швом горизонта скреплены
В карман, а там внутри все мы.

Над нами сытый полукруг,
Где слоем пыли облака.
Внизу распластана река
Как хлебный мякиш по сукну.

Песок, что слился со щепой
Карманной затхлости пласты -
В ткань ввелись люди и дома
Деревья, трубы и мосты...

Пусть рвет ладонь разбитый лед
Слепая письменность земли
Костяшки пальцев на мели
Уперлись в войлок небосвод.

***

Когда раскрашивает жизнь
Холодный воздух в цвет запоя
И мы идем вдвоем с тобою
С одной квартиры до другой...

Потом часы пробьют отбой
И черный город тени спрячет
Пойдем по улицам незрячим
Понутив головы домой.

***

Печальный двор, где музыка. Она
Все видимое превращает в звуки
Печальный двор, где музыка одна.
И сам он музыка и пианиста руки
Изящно сдвинуты соседние дома.

Печальный двор - большой резервуар
Взволнованным потоком капель-звуков

Наполненный. Чрез шлюз окна волна
С размаха бьет протянутую руку.

***

Опять идем по городу пустому
И улицы как складки одеяла,
В которое, как в детстве с головой,
И вот она граница мироздания.

Среди распухших словно от водянки
Домов больших, но нам совсем не страшных
Ведь мы с тобой, конечно, понимаем
Они людей наполнены дыханьем
И так себе как шарики висят
Привязаны к сырому парапету...
Как мы с тобой и как планета эта.

***

*"Идут, дебил, поэт, безрешный житель рая"
(А. Битов из предисловия к "Школе
для дураков" С. Соколова)*

Идут, дебил, поэт, безрешный житель рая
Вселенной говорит:
"Послушай, А и Б..."
Вселенная гудит
Как будто-бы не зная,
Что все они втроем
Сидели на трубе.
И сейчас они втроем.
Кто третий? Место богу.
А Боже так устал.
Но это о другом
Ну, а пока, молчим.
Троим пора в дорогу.
Дорога далека,
И тяжело пешком...
И далеко пешком.
И тяжела дорога
Дорога в никуда
Из пунктов А и Б.
От сердца моего
От твоего порога...
Дорога в никуда...
О, Господи, к тебе.

ПРОСТРАНСТВО

I

Пространство тара для лица
Поток взволнованных деталей
Костяшки домино вначале
Смешались и так до конца.

В диалектической спирали
На кольца падает пыльца
Даря как лица им цвета
Чтоб значили и зазвучали.

II

Пространство льется из зрачка
Волной цветного серпантина
В поток сбиваются единый
Рябая тина городка
И неба быстрая стремнина,
Где солнца лодочка легка,
А облака длинны как льдины.

III

Почти прозрачное пространство
В ладонях площади легко
Скользить по воздуху - ледком
Как плиткой выложен да гляцем
Покрывать; и странствуя пешком
Боишься за его убранство.

УТРОМ

I

Как продолжение коридора
Ручная улица тиха
Намордник тротуара впору
Дороге - мордочке щенка
Что не преобразен пока
В бензинную дворняжку свору.

Мой мир оставлен без призора
До пробужденья городка.

II

Дорога в хрупком обрамленьи
Какой-то рухляди колючей
Сплетенных наскоро клочков
Не то оправы от очков
Не то распотрошенной тучи...
Отточенный брусок вколочен в хобот ночи
В труху осыпавшейся тени

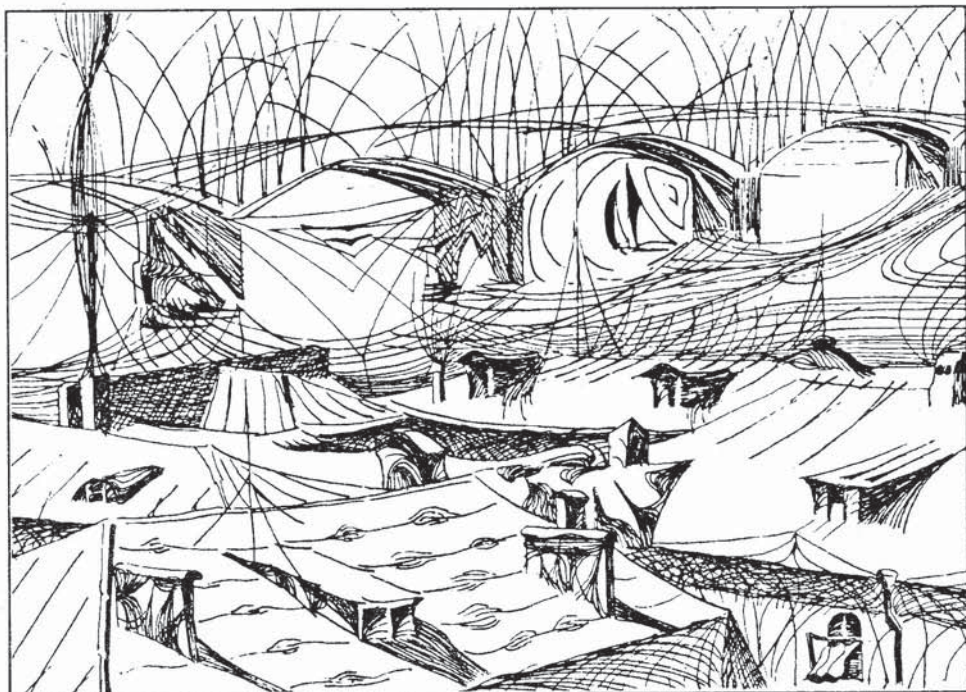

Рисунок Е.Стрелкова. г.Н.Новгород

ПОПЫТКА МОЛЧАНИЯ

ИЛИ ЕЩЕ ОДНА ТРАКТОВКА ПУСТОТЫ

Чтобы познать Истину необходимо

ее высказать

Чтобы жить в Истине необходимо

ее не познавать

Попытка молчания -

Искушение Истиной.

Все, что может быть сказано о Боге

принципиально неверно.

Мы обречены молчать,

либо говорить неверно.

Молчание же нам не дано

и путь философа - говорить о молчании

Осознание этого - есть трагедия.

Не без некоторого смущения беремся мы за эту работу. За разговор на предельной степени серьезности. Существует немало противников серьезности, обвиняя ее в отсутствии жизни, деля ее синонимом мрачности, скучности, меланхолии. Но сам предмет размышления определяет характер размышления. И не является ли выход в радостную, подвижную форму существования достижением некоего болевого порога, своего рода истерикой, при погружении человека в метафизическую пустоту. Философ, как личность, по-видимому, отличается способностью несколько дольше пребывать в пустой сердцевине мира, но любой живущий неизбежно снова и снова оказывается отброшен на окраины Бытия.

Жанр этой работы мы определяем как проповедь, имея ввиду отсутствие авторитетов за каждым сказанным словом и всей работой в целом. Проповедь, так как суждения, развиваемые ниже будут иметь вид априорного знания. Но не проповедь в смысле желательного приобщения какой-то аудитории к изложенному здесь. Эта работа есть необходимое прежде всего для себя говорение.

Каким же образом некто, невходящий на уровень ритуала ни в одну из традиций, в том числе и научную, осмеливается на это?

Ведь проповедь это всегда говорение от себя. Да от себя, но содержательнее будет сказать говорение через себя. Для того, чтобы проповедь прозвучала необходимо лишь решиться на это. Оправданность либо неоправданность этой решимости определяется внутренним содержанием проповеди.

Называя какую-нибудь вещь или явление, мы тем самым даем понятие о них. Выбирая в качестве слова-определения слово Единосущее, мы с необходимостью вводим гипотезу о внутренней однородности всего существующего, о существовании его в едином. Принципиально, что понятие "единое" является здесь внутренним определением к понятию "сущее", т.е. в этом сочетании не обладает самостоятельностью и дает лишь способ организации существующего. Единосущее есть имя и поэтому речь идет не о последней, а лишь о промежуточной реальности. Точно так же о промежуточной реальности говорят любые понятия, намекающие на запредельное: Бог, Будда, Дао, Абсолют, Даже то изначальное Дао, не имеющее имени, имеет его: "Дао не имеющее имени".

Двигаться по этому пути отрицания имени бессмысленно, т.к. каждый раз мы будем порождать все новые имена. Таким образом нашим размышлениям изначально положена непреодолимая граница и достойным представляется не игнорировать ее, либо пытаться пересечь, а постоянно помнить о ее присутствии, тем самым определяя предмет размышления.

Но помимо постигающего размышления, говорения существует созерцание, медитативная практика, когда реальность способна открываться напрямую, без имени и формы. (Лишь на ранней стадии медитация приводит к появлению ярких и необычных образов, развитая медитация дает ощущение содержательной пустоты.) Но весь опыт человеческой мысли говорит о том, что эта форма познания, при всей ее необходимости, является для человека внутренне недостаточной. Об этом говорит существование философских и религиозных школ, наличие книг и устной проповеди. По-видимому собственно человеческой чертой является говорение о мире. Так называемую "неживую" природу мы скорее склонны представлять в постоянном созерцании, во внутренне замкнутой медитации.

Сердцевиной нашей модели о запредельном является внутреннее отношение смысловых частей выбранного нами для описания слова-определения. Во многих традициях это отношение обратно нашему. Там подлинным существованием обладает Единое, Абсолют, а все "сущее", т.е. множественное, иллюзорно, есть некий рефлекс Единого, его порождение. Основным качеством этой гипотезы является ее неубедительность. Сколько не твердили бы ее адепты об иллюзорности проявленного мира, но для преодоления этой иллюзии они пользуются весьма искусственными способами. Медитация фактически есть "закрывание глаз". Монотонные ритмические звуки либо тишина, неподвижность, полужакрытые глаза либо опять же ритмические движения есть специфические средства исключения мира. Мы отнюдь не отрицаем медитации, не отказываем ей в содержательности, но склонны видеть в ней не исключение мира, а содержательное от реально существующих форм. Концепция реальности пустоты есть скорее феномен массового сознания находящийся в слое Веры. Последний неумолимый философский поиск не останавливается здесь, у патриархов чань-буддизма мы читаем: Все Дхармы по-

длинно реальны и подлинно нереальны. Что здесь? Исключенное третье? Чаньская алогия? Но логическое противоречие снимается полиморфизмом слов, логический тупик возможен только в математике.

Наша трактовка такова. Все материальные и нематериальные формы мира, т.е. его проявленности подлинно реальны, но несущественны. Несущественны в смысле - неважны. Они обретают самодостаточность только в целокупности.

Все формы мира есть фактическое существование Единосущего, его тело, его же создающее, пронизанное единой кровеносной системой. В качестве крови выступает таинственная *Vita Vitalis* - жизненная сила - метафорическое проявление однородности Единосущего. Принципиально, что объединение происходит не на физическом, или шире проявленном, уровне, а на уровне, лежащем за пониманием. Тайна не есть загадка, к понятию тайны нет антипода. Единственным атрибутом Единосущего является то, что оно состоит из всего из чего состоит. Для прояснения нашей трактовки привлечем ряд аналогий. По одной из них развиваемую нами модель можно было бы назвать "моделью пейзажа". В действительности нам не дано видеть что-либо по отдельности, всегда мы видим сразу, т.е. объединяем, множество форм. Единственным ограничением является "кругозор", сила взгляда. Когда мы созерцаем пейзаж, то наблюдаем множественное: камни, море, деревья, небо, облака. Все это вместе есть пейзаж. Конкретно его содержание бесконечно гибко - это та самая неважность проявленного. Но пейзаж есть нечто несомненно целостное и в то же время не обладающее самостоятельным существованием. Если в живописи перед началом работы мы имеем чистый лист, то здесь мы не имеем даже этого. Представление о Единосущем можно получить расширив свой кругозор до охватывания сразу всей проявленности мира.

Другой содержательной аналогией представляется нам китайский иероглиф. Прошло некоторое время с начала изучения нами этого удивительного языка, когда мы в качестве маленького открытия для себя осознали, что весь спектр значений конкретного иероглифа (на считывающий даже в современном китайском иногда более десятка составляющих) присутствует в тексте сразу, весь целиком, так что текст в качестве контекста находится на грани разрушения. Ведь значения иероглифа могут быть весьма далекими друг от друга и быть связанными несхватываемой ассоциативной связью. Особенно ярко это проявляется в классической поэзии Китая, области внутренне почти закрытой не только для чужеземцев, но и для собственных мудрецов, даже для самих создателей. Полиморфизм каждого употребленного иероглифа (хотя их обычно немного в каждой вещи) создает некий объемный на грани схватывания образ, когда обмирает дух на краю пропастей, в которую не дано упасть. Прочтений на уровне трактовки неопределенно много и одно не истиннее другого. Контекст почти преодолевается и стихотворение стремится стать образом Единосущего, пребывать в бесконечной проявленности и намекать на ее единство.

В этом смысле нам близко понимание мира как текста. Проявленность мира есть бесконечное множество контекстов. И только через контексты возможно существование в мире. И здесь становится понятной наша трактовка медитации, как абстрагирование от проявленности мира, чтобы осознать его как Единосущее. Ускользающее схватывание единой связи есть попытка преодоления контекста.

С этих позиций становится понятной такая важная и ненавязчивая роль поэзии в нашей жизни. Ритмическая организация слова есть элемент несомненно медитативный (в периодическом мы видим образ пустоты на информативном уровне). Сущностью поэтического феномена является употребление слов в неожиданных периферийных смыслах, в необычных "свежих" сочетаниях друг с другом, в результате чего происходит размытие контекста.

Но здесь перед нами, как людьми, снова возникает та изначальная непреодолимая граница, мы как бы сознательно удерживаемся от окончательного размытия контекста; вхождение мира в Единосущее оказывается полным, мы схватываем лишь пучок проявленностей мира, широкий, но конечный. Попытки конструировать лингвистически бессмысленные тексты представляются нам уже нечеловеческими. Едва ли мы в состоянии создать нечто бессмысленное, скорее мы не осознаем связи с таким текстом содержательнее связи с такими объектами как, например, камни и вода. Человеческое же есть ощущение связи там где есть ее осознание. И в этом проявление всей той же границы.

Нечто сходное можно сказать и об изобразительном творчестве. Отмечая художника как художника мы едва ли говорим лишь о том, что он специфическим способом отражает мир. Когда мы говорим, что у художника есть концепция, самобытное видение мира, то не говорим ли мы о преодолении контекста?

С точки зрения равноправия трактовок смотрим мы на всевозможные философские и религиозные системы. Равноправность в том смысле, что ни одна не истиннее другой, но одна ближе, а другая дальше для конкретной личности, вплоть до неприятия. Неверным представляется нам воззрение о существовании прасистемы, некой изначальной всеобщей системы, которую так или иначе, споря или соглашаясь, отражают частные системы. Иными словами нет безусловного критерия истинности. Вслед за патриархами чань-буддизма мы можем повторить: нет никаких реально существующих Дхарм. Всякая Дхарма есть лекарство в конкретных условиях и в конкретное время. Для западной культуры оказалось важным смотреть на мир с позиций науки, элемент логического, рационального кажется преобладающим. Что же, и этот путь не является заблуждением. Современная физика заговорила о философии. На базе научного мироощущения с необходимым привлечением специфического инструментария делаются попытки современного оживления и продолжения метафизики. Заблуждением является лишь ощущение единственности этого пути, большей истинности по сравнению с други-

ми. В диалоге философски ориентированных физиков с духовным иерархом буддизма - Далай-Ламой наиболее интересным представляется не конкретное содержание разговора, а самоощущение сторон. В состоянии физиков проглядывает некая познавательная эйфория, ощущение переднего фронта при продвижении к "абсолютной" истине, роль же Далай-Ламы в диалоге буквально свелась к тому, что он подтвердил все сказанное физиками и на все их вопросы-утверждения ответил утвердительно.

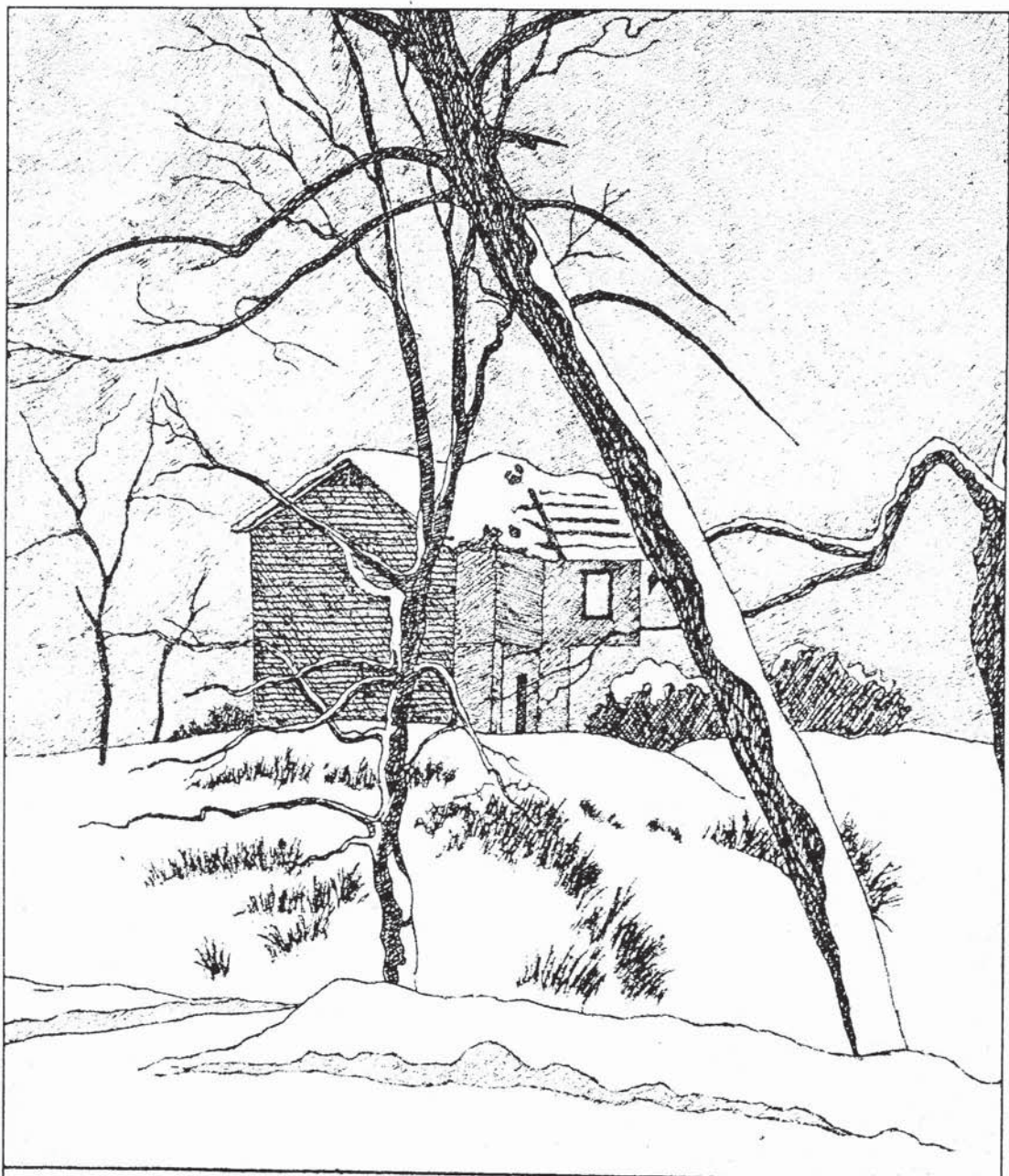
Контекст безусловен, но он необходим. Мы способны существовать только в контексте, но оказывается, что понимание его безусловности оказывается едва ли не важнее его конкретного содержания.

Во всем сказанном нами нет отрицания любви к миру, ко всем его реальным и бесконечным формам. Мы с необходимостью погружены в контекст, сами являясь его смысловыми элементами. А раз так, то человек должен существовать не как самосозерцающий камень, в небытии с точки зрения человека (здесь не имеется в виду буддийское "недеяние". Недеяние есть совершенная безальтернативная активность просветленного адепта. Для ступившего на путь-Дао не возникает развилки, над которыми он должен ломать голову), он должен существовать в общемировом контексте в качестве человеческого смыслового элемента, со всем присущим ему богатством форм проявления, в страдании, любви и безостановочном осмыслении.

Впрочем слово "должен" носит здесь чисто риторический характер, ибо иного человеку не дано.

В заключении хочется сказать о том, что изложенное выше едва ли обладает принципиальной новизной. Переключки неизбежны, как неизбежны параллельное мышление, осознанное и неосознанное цитирование. Но что же побуждает нас говорить? Нам хочется видеть здесь нечто иное, чем человеческую и творческую гордыню. Именно в процессе говорения, в процессе написания работы возникает сама излагаемая концепция. До написания она существовала настолько, насколько была написана или проговорена. Через высказывание происходит проявление того, о чем нельзя говорить как о существовавшем до этого. Высказывание есть способ познания, отвечающий человеку. Таким образом сказанное нами предстает как некий необходимый результат. И вопрос "зачем?" становится бессмысленным. Каждое конкретное прочтение мира, как уникальный контекст, как проявленность участвует в пребывании Единосущего.

Андрей СТРЕЛКОВ

УТРО ПОНЕДЕЛЬНИКА. 1991

А

СЕРГЕЙ САМОЙЛЕНКО. ЛИЦОМ НА СЕВЕР

Акустика осеннего неба
подразумевает источник звука
которым могут быть только птицы
покидающие пустые гнезда.

Если принять за точку отсчета
облака, летящие против ветра
мы увидим, как движутся звезды
вступая в другое время года.

Но если мы встанем лицом на север
чтобы не пропустить снега
мы можем потерять из виду птиц,
долетевших до края света.

***

Мы перестали видеть в высоту
и научились спать под одеялом
при свете электрической плиты.
Мы стали жить с природою в ладу,
узнав в апокрифических журналах
температуру таянья воды.

Мы позабыли ремесло огня
и ставим под кроватью в изголовье
огнетушитель с охлажденным льдом.
Кусок пространства виден из окна:
немного неба, остальное - кровли,
скрывающие круглый окаем.

Мы растеряли навыки травы
и правила свободного полета,
но знаем способ коротать досуг:
играя в поддавки на мостовых,
угадывать вчерашнюю погоду
и на ночь двери запирать на крюк.

Мы прячем под подушкой телефон
и затыкаем уши стекловатой,
ложась в постель на холостом ходу.
Мы дышим с пылесосом в унисон,
но потолок имеет вид квадрата.
Открыта дверь, и нам невмоготу.

Зима стоит за дверью в полный рост,
рисуя мелом схему снегопада.
Мы вспоминаем расстановку звезд,
пытаясь защитить рукой глаза,
и входим в воздух, видимый насквозь.
Снег впитывает воду, будто вата,
летящая обратно в небеса.

Весь город заметен безумною поземкой
 все двери на замке в ночь Страшного суда.
 Садись в любой трамвай, плутающий в потемках
 шатаясь на ветру, держась за провода.

Прельстившись прямою холодных честных рельсов
 попробуем успеть до третьего звонка -
 возьмем билет в партер тихонько ждать и греться,
 пока свой инструмент настроит музыкант.

Когда смычок стряхнет с ресниц и веток иней,
 зима задует в медь, спустив с цепи метель,
 погнав пустой вагон вдоль параллельных линий,
 и спит из огней слепую карусель.

Как весело зиме брэнчать последней медью
 столетие подряд по улицам пустым!
 Мы наперегонки пускаемся со смертью
 сжигая на бегу надежды и мосты.

Мы выбраться б могли из этой переделки
 но по пятам январь, как ангел снеговой
 но в этот час никто не переводит стрелки
 и жизнь озарсна трамвайною дугой.

Пейзаж в Овере после дождя

Внезапно закончился ливень, спокойна равнина,
 струится вода на холсты и слезится мазок
 и влагу впитали поля, и намокла картина
 и зелень отмыта от пыли, и слышен гудок

вдали проходящего поезда. У горизонта
 мелькают вагоны в дыму и колеса стучат
 И пахнет сырою землею, листвою и озоном
 и мокрые красные крыши на солнце блестят

Мир вымок насквозь, и-расплывчатость легкая линий
 подчеркивает лишь как свеж и прозрачен простор
 И в воздухе преобладают зеленый и синий
 и не затуманен печалью художника взор

И жизнь бесконечна, и нечем еще огорчаться
 Пронзительны звонкая зелень и голубизна
 Мазок так отчетлив что кажется рано прощаться,
 а истина чистого цвета бесспорно ясна

И едет двуколка по скользкой блестящей дороге
 и лошадь по лужам бежит, и сверкает вода
 а мы с замиранием сердца, в неясной тревоге
 глядим, как она уезжает от нас навсегда

АНДРЕЙ КАВАДЕЕВ

Чехов глазами Обломова. Опыт ленивого эссе

Человек, выросший из Чехова, говорит о себе просто: "у меня было тяжелое детство".

Трудно, не задев лепестков отцветающей вишни и не обагрив рук кровью стерегущей чайки, улизнуть от него, минуя его - от твердого гоголевского хлеба /питерский четвертьфунтовый смех / к красивому, бестрепетному Аною, увидевшему сюжет в смуглом паху Эвридики.

Чехов - дуэлянт, бретер, происки его слова всегда оборачиваются поисками секундантов и огненной драмой с двенадцати шагов.

Убили Чайку.

Убили Константина.

Убили Сару.

Еще кого-то.

"Стрелялись мы" - вспомнит о Чехове театр Станиславской выездки и упряжки.

Скорость развития трагедийного сюжета не поспевает за отмашкой секунданта. Кто-то всегда стреляет первым.

За вторым всегда остается право.

Право Чайки.

Право Сары.

Право Константина.

Чехова теперь нет.

МХАТ, разделенный на две коммуналки - деревня, с трудом узнающая город.

Он, Чехов, всегда где-то там, в маскарадной отделке провала, когда зрителям дурно, а актерам жарко, когда через щель в декорации просвечивает грязная уборная, когда скукота висит в воздухе, как паутина несгораемой лампы.

Театр Чехова триумфально идет от провала к провалу, коллекционируя знаки отличия и выслуживая очередное звание: подпрапорщик, прапорщик, поручик.

Сыграть Чехова - все равно что сыграть клинопись Гильгамеша.

Вишневый сад - это явление Сада, биология плодоносящих, эпос покрытосеменных.

Чайка - открытие зоологического атласа, голосовые задатки птиц после падения редуцированных. Из-под чеховского пера, устроенная и обжитая на всех театральных скоростях, выстрадавшая и одетая в хрупкую плоть, выходит толстая монография.

Чехова, должно быть, более всего любят энтомологи и гимназисты. Удачи его премьер, видимо, расширили сеть коллекционеров мотылей. И никакой Мейерхольд не сможет доказать, что эта бабочка некогда была душою.

В его руках - всегда мертвые души.

Купленные в рассрочку.

Подаренные.

Выпрошенные.

Хорошие работники. Каретники.

Крестьяне.

Театр Мертвых душ - вот театр Чехова.

Чеховский театр прост как рисунок хирургического вмешательства; авангардный уход вправо может стоить души.

Впрочем, говоря просто и не живописуя, можно согласиться и с тем, что драма - это запасная модель общества на случай правоты Иоанна.

Герои Чехова - свежие, отборные, донорские, живущие в заливных графских лугах в ожидании героического.

Их аптечная необходимость под стать мятым шарикам для ослабленного пищеварения.

...Кажется, Он был бы тем, кого не узнают на улице.

Порожденные им комики и трагики вычерпали из него весь запас фотогеничности, оставив лишь желтую таганрогскую кожу и звонкое пенснэ, изначально купленное для музея.

Не оборачиваясь, не делая остановок, пролепел нелюбопытный зритель мимо его кротких чернильных манер, прямо в гримерную, - да там и остался.

Умение мыслить сидя выдает шахматиста.

Способность вызывать слезы выдает мыло.

Чехов - человек без способностей.

Он воистину не выдается.

Там, где по воле Пиранделло неказистые персонажи любовно подыгрывают Автору, Чехов глух и вызывающе несостоятелен.

Невидимый, как монстр Уэллса, проводит он нити незримых жестикуляций, подавая команды на низкой частоте земноводных.

Его суфлерское место никогда не пусто.

Сцена, расчерченная им впрок, лет на триста - спектр лучей-поводьев, сведенных вместе к темному окошку суфлерской.

Этого не знал ни один Станиславский.

И уж конечно не Мейерхольд.

Театр Чехова - лучший, крепостной.

Крепостная Чайка.

Крепостной Иванов.

Крепостной Дядя. Ваня.

Крепостное - все: Лопухин со всем его квази-капитализмом, - крестьянский мальчик, ворующий вишни в крепостном саду Чехонте.

О, Чехонте - род изрядный, давно скучающий по Бархатной Книге Перемен.

Упомянутый при Грозном.

Отмечаемый при Калите.

Сыграть Чехова можно только до реформы.

В его годовалом таганрогском детстве.

Все, что следом - Мейерхольд.

Вот так, пребывая в судорожной напряженной попытке понять, понимаешь что-то другое, но тоже чеховское, тоже обломовское. Жить бы, едва касаясь сердцевины, славить игру как масленицу, есть бы жирные блины премьер, завернутые в черную икорку взаимных симпатий - и что нам Чехов, был бы ром. Но чем ближе спускаешься к преисподней, тем отчетливее веруешь в ее перенаселенность, тем отчаяннее плывешь вспять - хотя бы не в пятый, хотя бы не в третий.

Так и добираться до Чехова - до всей черноты, до всей смуглоты его, исчерпывая до конца крепостное состояние Слова.

Какая-то бодрость разлита в синхронном движении перьев: Он - гусиным - в девяти-сотом, ты - золотым - сто лет спустя.

Пронесется подробности ландшафта, еще не искаженного криком Мунка, геометрическая равносторонность Сада еще не вырублена на валежник Малевича, еще можно крикнуть: "вся Россия - наш Сад" и не быть освиственным.

Рукопожатие сидящих в одной яме. В яме - звезды.

Анна, Владимир, Анна.

Чиновничья звезда на шею - и вот уже крепкая хватка Анны.

Закрывается небо. Опять провал.

Гусиное перо в гусиной коже. И какая-то старуха напевает себе голосом Навны:

"Молитесь на ночь, чтобы вам вдруг не проснуться знаменитым".

ЛЕОНИД

ТИШКОВ

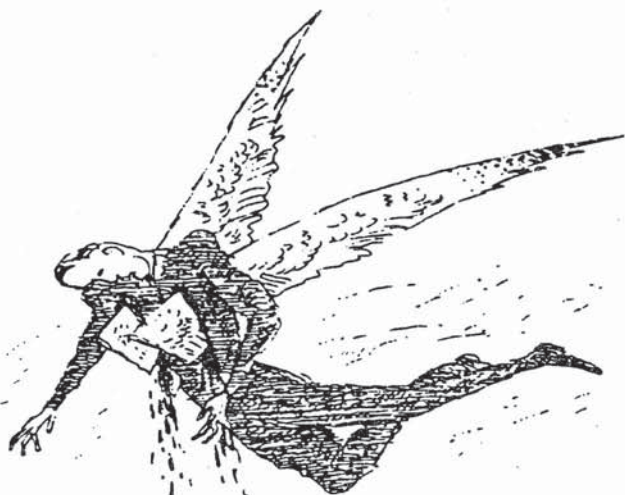
Человек из презмества
 плачет думая о
 погребенных летящих
 в земле глазах птиц
 но возможно
 это проби ваготу
 (в небо
 из-под земли)
 ростки твоих
 будущиных полетов

Человек
 из презмества
 спит на диване
 от влаги
 чужа

Сон не принесит
 отражи
 Сон принесит сонны
 звезды и глаз из
 которых выпадают
 по утрам росы
 холодные слезы

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРЕДМЕСТЬЯ

Крикнул давно ему со вздох
 но полёт всё равно соударя
 над землёй и бодой
 над ~~поток~~ ~~к~~ крови
 из ~~р~~ рак.

Затонувший паром
 мёртвый всегда хранитель
 над ним
 голову прискились
 на теплом плече воды

Человек из
предместья
приходит
к полуоткрытой
двери
где прощепаны
исполкомом
в виде черной
скачущей
лошади
сны человека
из предместья.

Когда я
во сне
хочу перемет
горло
песочным газом
и остановить
падение
времени

~~лошади~~
лошади сна
плачет
над моим
бессилием
исчезая в
открытых
пространствах
глаз

Это случалось
не раз.

Зодолазу позу тиёмному &
 отрешённое тело бодя
 кельза проливать слёзы
 змутьнёность стекла
 невозможность вдохнуть кислорода
 отдалённость платка
 обитанье любимой в иной среде
 гитверге в воскресенье
 Зодолаз отдохнёт положив
~~на~~ медный затылок
 на мягкий диванный валик.

О Л Е Г   Д А Р К

Н А   С О Н   Г Р Я Д У Щ И Й

"А ты зачем, старый, всполошился - на ночь глядя?" "Так ведь жалко, ребята!" "Жалко?!" Они дальше пошли, смеясь, а я своей дорогой тоже. Арочка, темная, узкая, точно лаз в нору, а ведь всего - во двор - должна по левую руку быть, помню. Только в темноте да с улицы, где иду, все иначе, чем, скажем, днем, когда кругом обычные очертанья, или - сверху, с балкона, пусть и ночью, но привычно, с привычного, то есть наблюдательного пункта.

Старуха моя давно ворчит и подозревает неветь что: Седина, говорит, в бороду, а бес в ребро. Поди ей объясни, что я не из похоти немощной или праздного любопытства, а из сочувствия и сострадания. Раньше-то я скрывался: вроде как просто покурить выполз, дабы старушичьих ноздрей не травмировать. А вот когда бинокль специально для такого дела купил, скрываться стало бесполезно. Бинокль хороший попался, морской, раздвижной: у нас - только улицу перейти - рынок самодеятельный - вот там.

Арочка, что сейчас ищу, напротив моего балкона, в доме красного кирпича, но между нами - дорога, вроде шоссе, а от машин тихая. Вечером, часов с девяти, там вообще пусто, да и днем - грузовик раз протарахтит и легковушки две промусолят, и опять безмолвно. Жизнь здесь от того очень покойная. Пешеходы же - в два потока: утром - на работу, вечером - обратно - не сильно тревожат, однако привыкнуть надо. Вечером-то за занятиями: тут телевизор посмотришь, там газету считаешь, или книгу, или журнал (мы "Иностранку" получаем и "Новый мир") - их и не услышишь, а вот утром поневоле проснешься. Час переждешь, пока оттопают, откашляют после сна, отспешат, и либо опять спи (я на пенсии помногу спать стал), либо читай спозаранку, радио тоже можно послушать:

Люксембург или Швецию, например, - я эти станции весьма уважаю, паче всяких Би-би-си или Голос Америки, клеветников, необъективных.

Днем же совсем мне благодать, если б еще домашней пины рядом не было, то есть старухи моей! Но это мечты (однако когда померет, пожалею, я знаю). Часа два у меня моцион в лесопарке, в шашки или в шахматы с прочими пенсионерами поиграю, потом домой приду, пообедаю, и никого в округе не слышать, будто мы со старухой одни в городе. Жизнь ведь по дворам у нас сосредоточена, а там - пожилые, которые на скамейках сидят и лясы точат, да дети при них, и те из-за домов, что дворы огораживают, никак не проявляются. А когда ихние родители со службы возвратятся, тоже не шумнее становится, ибо все равно все по дворам, а то и по квартирам - отдыхают. Так что ни мы им, ни нам они, то есть те - из красного дома, не мешают. Мы и не знаем друг друга толком.

Они ее, вижу, на землю усадили, к стене спиной, но не аккуратно: нога подвернута неудобно, юбка бедро оголила. Колготки порваны - это я уже потом рассмотрел, на свету. Куртка еще на ней была, но не мешала - коротка, ж... не прикрывает. Голова набок скосочена, глаза, должно быть, закрыты, хотя впотьмах не разглядишь, но догадываюсь. Коробка картонная под бок подсунута, оттого прямо сидит, на сторону не валится. Я ее сначала ногой пошевелил: боюсь, если мертвая; тогда - уходить надо. На старости лет не много радости с покойником видется. Однако все мы там будем.

Она - ни движения. Я ее опять толкаю, теперь для очистки совести, чтоб уверенным быть - не жилица. Даже нагнулся к ней, хоть мне и не легко: спина не та - шутка ли, за семьдесят! Слышу: стонет - тихо, тихо. Тогда я ее поднимать принимаюсь.

Раньше я без бинокля обходился, простым глазом всматривался, да что увидишь так! С увеличением, конечно, лучше, хотя темно там - в арочке. Однако фонарь, но неяркий, неподалеку; впрочем, он не много способствовал, больше тени да силуэты различаю, чем живое тело, но с биноклем кажется - близко-близко они. Рукой достать! И еще крики слышу явственно, визг, но этого и без

бинокля хватает: к чему тут бинокль? Я недавно в магазине - неподалеку новый открыли - большой, просторный, избыток глаз радует - "Все для увлеченных называется" - и там, правда: и для рыбной ловли - полный инвентарь, и для охотника тоже, и для фото- или кинолюбителя - так вот там я телескоп облюбовал - дорогой, не по карману - мне б его! Я б тогда в деталях все, что надо рассмотрел, хоть и без света, думаю.

Там, в арочке, многообразные сюжеты разворачивались. Но до сего счастливо кончалось. Либо женщина вырывалась и убегала - чтоб какую кто встречал - муж ли, брат ли, или кто на крик имстошный вышел, того я не видел, врать не буду - либо и она свое получала и уходила скоренько, всхлипывая и стуча каблуками (в темноте звук слышней, точно воздух разрежен), и ребята довольны, отправляются восвояси весело, ну и на ее счет тоже - в обсуждение пускаются. А тут я чувствую - кровь: рука липкая, та, которой голову ее придерживаю. Она очнулась, поднимается полегоньку - с моей помощью. Сначала-то она, бедняжка, решила: ребята вернулись - вырваться пытается, да где ей - в ее-то теперешнем состоянии. Я ее крепко держал - из всех сил, хотя и не много их у меня. А она себе бормочет еле слышно: что она, мол, не может больше и чтобы отпустили, все равно, дескать, подыхать, так чтобы оставили ее, наконец, в покое, или плачет (верее - слабо всхлипывает), и еще что-то нецензурное, как мне показалось, но я не разобрал. Молодая, а матерщинница! И зачем подыхать-то, когда я ее домой веду - в тепло и свет?! Не выгонит же старуха!

Я давно пристрастился. Стемнеет - слушаю. Только с улицы - одинокий перестук каблуков женских, наструнюсь, напряжусь, а старуха (бинокль уже был и прятаться незачем) - иди, говорит, слышь, твоя красotka топает. И я иду - на балкон. Зимой - оденусь теплей. И зимой бывали события в арочке, но реже, чаще проскачут каблукими мимо - безо вского для себя вреда, потому что ведь всем холодно, и я, значит, напрасно прожду, вроде как разочарование мне. А старуха - издевается да подсмеивается. Она это умеет - хлебом не корми. И тут ей - такой простор. И насчет моих неоправдавшихся надежд тоже проехала. Она ведь считает,

что если кто в позноту домой бредет, сам виноват, гулена, коли что случится. Только зачем ее слушать! Одно меня удивляло немало: как это женщины не отвыкнут от дороги, столь опасной? Крики-то не мной одним слышаны.

Крик всегда неожиданен. Так во мне, бывало, кровь и застынет, а потом - наоборот - заторопится слишком, в висках стучит, вены болят, лицу жарко, пусть и зимой дело. И ведь никто не выйдет, не вмешается, один я со своим биноклем жалость и заинтересованность выказываю, да что от меня проку?

Я тут одному, тоже старому, доложил все, как есть, а он мне говорит; в милицию звони или напиши, чтоб наряд присылали - патрулировать, раз у вас так. А я думаю, что звонить-то?! Пока-то они явятся, голубчики! Я даже письмо аж на Петровку сел сочинять да потом оставил. Девчонку ту я только в подъезде рассмотрел, где светло (когда довел - с передышками да останками: и я в них нуждался - на себе такой груз почти волоочь! - и она еле шла). Мелкое личико, фигурка хлипкая - в чем душа держится? волосы светлые, негустые, в хвост на затылке стянуты не пышный, а на лбу прядь от крови слиплась. Лоб расщеплен. Я подумал - кастетом, потому что шпана, знаю, на случай кастет имеет; а может, и не кастетом: там, в арочке, обычно полным полно всяких труб, трубок, трубочек, прочих разнообразных железок. Кровь по переносице стекает и далее - через верхнюю губу к подбородку - не успевала слизывать языком лихорадочным - и потом к шее.

Беретик, что ей в свалке сбили, я в арочке приметил, когда ее уже на ногах установил, поднял, ее не забывая придерживать (а нагибаться мне трудно), и здесь - в подъезде - на голову ей водрузил, а кровь безостановочно струится. Я носовым платком, хоть он у меня не чист, промокаю, но без пользы. Это я потом, дома, перекисью рану промыл и забинтовал, а девчонка молчит. Так молча и ушла, чаю не дождавшись. Старуха-то моя запретила ее оставлять. Я думаю, ребята в темноте не рассмотрели, иначе пропустили бы безвредно. Только им не удалось (видно, впервые ба-

ловались) ее заломить сразу. Упорная и дерзкая попалась, хоть и не велика комплекцией. И когда ее с ног свалили, все рвалась, и когда рот зажимали, укусила руку (это я по мужскому вскрику сообразил). Ее по лбу со зла хватанули, потом, когда свое дело кончили, то есть без особой нужды. Я их обоюдные движения по теням определял и, допускаю, не всегда точно.

Я когда увидел, что ребята стоят, а она не видна за их фигурами, то есть лежит, значит, потащился я за ботинками (в волнении со шнурками провозился напрасно). А старуха моя тут как тут. До того она, обо мне забыв, на диване валялась и "Иностранку" изучала. Там новый роман Генриха Канта опубликовали - мед для моей старухи. Мне-то подавай что-нибудь историческое: Фейхтвангера или, положим, Конан Дойля ("Бригадира Жерара"). Куда же ты, старый хрен, собрался на ночь глядя? - спрашивает, почти как тот парень потом на улице. Прибьют тебя, старого мудака (это ее любимое словцо), и поделом, не суйся. А я молчу, только ботинки шнурю. Приведешь если - далее она - эту шлюху подзаборную в дом, спусти обоим с лестницы. Да не спустишь, не спустишь - думаю про себя - а ботинки готовы, встаю - это ты сейчас так - от великого расстройства.

Ключа я не взял (в лифте когда мы уже поднимались, стою - ругаю себя почем зря за то) - в спешке забыл. Мы ключи в прихожей на гвоздь вешаем. Три у нас со старухой ключа (один запасной - мало ли что). Звоню в дверь, открывает, промедлив немного, должно быть, с дивана слезала; так и было, я установил, по рейтузам, на сторону скручены. Старуха моя дома в рейтузах в обтреску ходит, хотя и не скажешь, что худа (она почти на 15 лет меня моложе, недавно пенсионер и еще тоскует). Посмотрела на нас боком и опять в комнате скрывается, дверь за собой затворяет. Девчонка, как вошла, сразу на табурет уселась. Стоит такой у нас в прихожей - с мягким верхом, дермантином обитым. Верх этот мягкий надвое делен, и обе половинки поднимаются, как ставня створки, получается. Вовнутрь всякие щетки класть можно, кремы для обуви и т.д. Я тут же

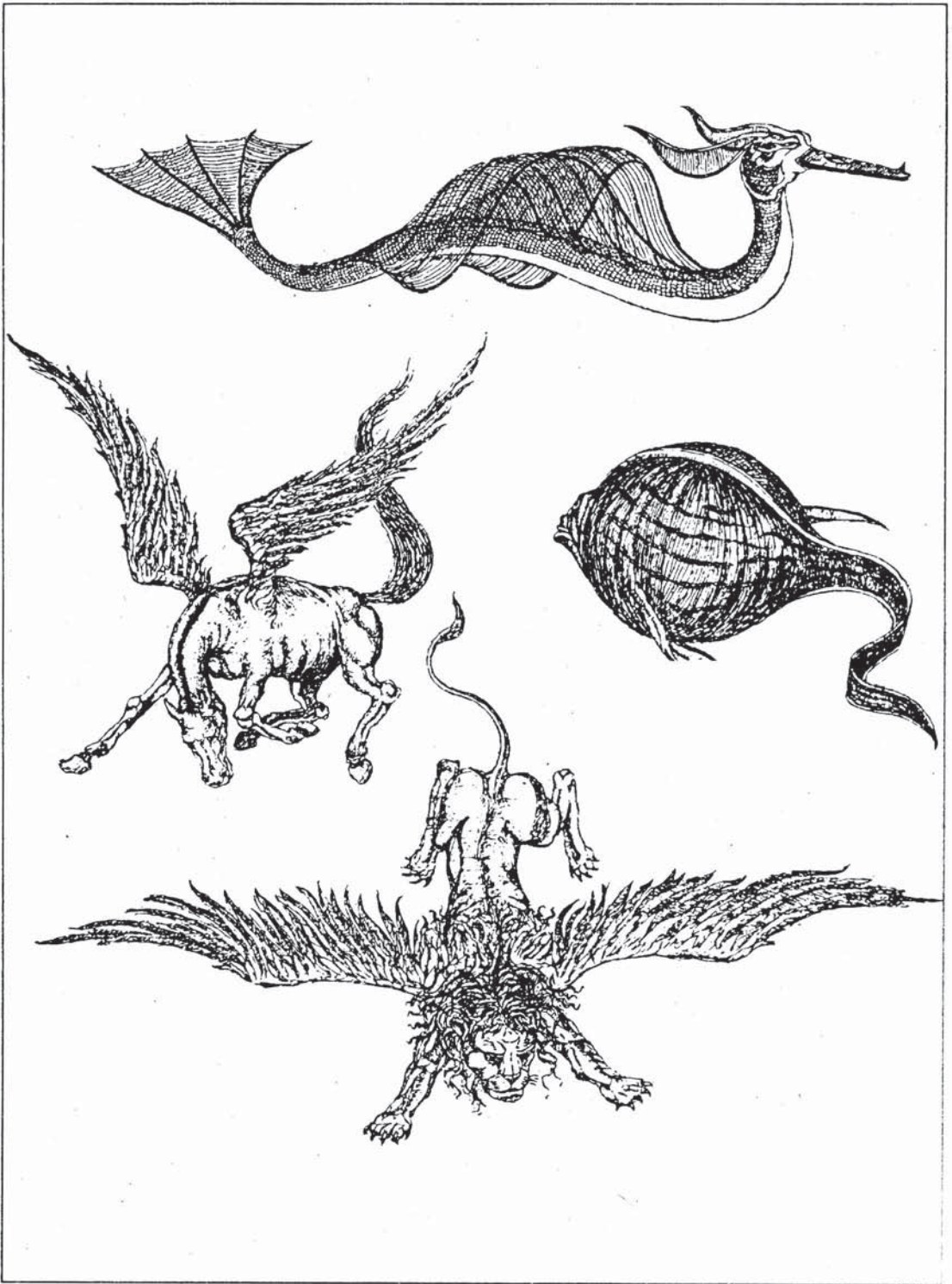
колупаюсь, ботинки снял и гостье в кухню пройти предлагаю - молчит!

Кровь течет и течет. На свежем воздухе ее будто меньше было, а в духоте квартирной совсем разошлась - потоком хлещет. Я побужал, аптечку открыл (на стене висит - полочка с раздвижными стеклами), перекись достал, бинты... Тут старуха выходит (рейтузы оправила). Я ей говорю, может, врача вызвать? Как же! - отвечает, - еще здесь лазарет для гулящих устрой. Ну что с ней будешь делать? Горбатого могила исправит. Иду чайник ставить. В прихожей, слышу, старуха моя: Сидишь? - спрашивает, - ну сиди, сиди, авось чего высидишь. И помолчи

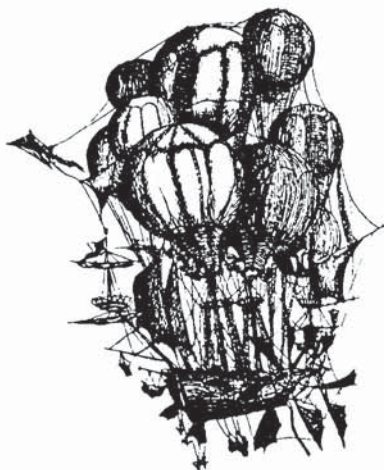
тоже - за нашу хлеб-соль. Сейчас тебя чайком мой дурень побалуеет, слышь, как суетится, старый хрен! Попьешь, поешь, успокоишься, глядишь, домой не захочешь. Заживешь припеваючи, а там и нас со стариком выселять можно... В ответ - ни звука. Я чайник поставил, и в уголке на стул присел, из кухни шагу ступить боюсь. Э-э-х! - кряхтит старуха. Молчишь? Морда, погляди, вся в крови, хоть бы на пользу тебе пошло, девочка моя, уму-разуму бы научило. А то шляется, шляется, таскается, ни людей, ни греха не боитесь. Это она уже дорогой договаривает... За стеной бормочет... Убралась, значит.

Рисунок Н.Гнетнева. г.Н.Новгород

ВОЗДУШНЫЕ ЖИВОТНЫЕ. Рисунок А.Стрелкова.

РЕДАКЦИОННАЯ ГРУППА И ПРОМЫШЛЕННО-ТОРГОВАЯ АССОЦИАЦИЯ "НИКА"

П Р Е Д С Т А В Л Я Ю Т

новый литературный
иллюстрированный альманах

Д И Р И Ж А Б Л Ь

- Альманах выходит в высококачественном черно-белом исполнении четыре раза в год объемом четыре печатных листа.
- В нашем альманахе участвуют молодые прозаики, поэты, эссеисты и графики из Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Симферополя, Кемерово и других городов.
В портфеле редакции интервью с известными писателями и художниками.
- Не касаясь вопросов политики, экономики и социологии редакция отводит страницы альманаха для свободного творчества, не ограничивая себя рамками конкретного направления или стиля.
Эстетическая ценность произведения - единственный критерий при составлении альманаха.
- Редакция будет рада знакомству с работами новых для нее авторов, а также с пожеланиями и критическими замечаниями читателей.

ЕВГЕНИЙ СТРЕЛКОВ художественный редактор

тел.: (8312) 62•84•03

ИГОРЬ ЭЙДМАН литературный редактор

тел.: (8312) 37•12•31

ИННА ГОТСКАЯ технический редактор

тел.: (8312) 67•08•47

